

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

ВЕТЕР И КРЫЛЬЯ

РАЗВЯЗАННЫЕ
УЗЛЫ

Ветер и крылья

Галина Гончарова

Ветер и крылья. Развязанные узлы

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончарова Г. Д.

Ветер и крылья. Развязанные узлы / Г. Д. Гончарова — «Эксмо»,
2023 — (Ветер и крылья)

ISBN 978-5-04-189186-2

Дороги Эвроны извилисты и запутаны. Находит свою любовь Мия Феретти. Но будет ли она счастлива? Взаимно ли ее чувство? Ведь кровь метаморфа еще не гарантия крепкого союза. Во исполнение древнего долга выходит замуж Адриенна. Счастье? Какое может быть счастье во дворце? Там, где интригуют все, где за каждым углом убийца, где приходится следить за каждым словом и жестом, чтобы не выдать себя. А корона давит на виски. И требует... А муж-король любит другую. Непокойно и в самой Эвроне. Убийства людей, черные мессы, заговор... Напряжение нарастает. Дороги извилисты, но рано или поздно они приведут к цели своих подопечных. Дороги плетутся...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189186-2

© Гончарова Г. Д., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	34
Глава 3	55
Конец ознакомительного фрагмента.	68

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

Галина Гончарова
Ветер и крылья. Развязанные узлы

© Гончарова Г.Д., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Комната была небольшой и больше всего напоминала жилище безумного книжника.
Бумаги, бумаги, бумаги...

Свитки, книги, отдельные листы, карты... Они валялись с полок, сползали ленивыми змеями со стола, раскатывались по полу, они занимали чуть ли не каждый квадратный сантиметр поверхности.

Исключением оставалось кресло, в котором сидел высокий мужчина.

Сидел, перелистывал книгу, лениво попирал ногой какой-то свиток.

А в книге...

В книге был рисунок, в котором каждый здравомыслящий человек претотлично узнал бы Леверранское чудовище.

– Сколько усилий!

Рисунок молчал. Чудовище тоже не торопилось отвечать, ибо уже было чучелом и стояло в покоях его королевского величества. В комнате с охотничьими трофеями.

А что?

Он король?

Значит, все, что наохотили в королевстве, – его трофей. На его же земле!

Впрочем, Делука не возражали. Его величество был щедр, а чучело... а зачем им? В родовом замке поставить, пыль собирать?

Или по городам возить, за деньги показывать?

Хоть так, хоть этак – неинтересно. Пусть вот его величество гордится.

– И все впустую. Управлять тобой нельзя, приказывать не получается, сожрать норовишь все, до чего доберешься. Но раньше-то справлялись... только как? Знать бы, что такое «измененная кровь» и как вам ее давать.

А так...

Бессмысленные хлопоты.

Да и пес с ним!

Сбежал – и ладно! Убили – и не жалко.

Новых он будет создавать не раньше, чем разберется со старыми записями. Если поймет, что такое измененная кровь, куда она тут применима...

Сложно!

Даже если у тебя под рукой есть своя, личная ведьма, даже если она тебе полностью подчиняется... все равно – не то!

У этой ведьмы и силенок с гулькин нос, и азарта нет... То ли дело у ее подруги!

Но та испугалась и сбежала... Старуха говорит – померла, но веры ей особо нет.

Ладно!

Будет день – придет и дело. Разберемся и что, и как... и создавать кого-то еще, или так обойдется? Может и обойтись...

Мужчина небрежно перевернул страничку в книге.

Ритуалы на крови.

Красивое заглавие. И ритуалы интересные... позволяют даже поменять пол ребенка во чреве матери. Правда, мать погибнет тогда при родах, но все равно... это много где применимо. Если мужчина очень хочет наследника и не хочет навязанную жену...

Надо почитать.

На пальце мужчины кровавой каплей сверкнул темный рубин.

Глава 1

В столице

– Вы это серьезно?!

Его величество Филиппо Третьего чуть кондрашка прежде времени нехватила. А кто бы на его месте удержался? Это ж...

Да слов таких нет!

Разве что самые черные и матерные!

Как оказалось, вчера вечером в столице умерли два дана.

Ладно еще какой-то Джакомо Феретти... Его величество и знать не знал, что это за Феретти такие и где они водятся.

А дан Густаво Бьяджи? Рубиновый король?

И ладно бы он по уважительной причине умер! Но такое ни в одной пьесе не пропишут, потому как зрители гнилой селедкой закидают.

Дан Бьяджи посватался к племяннице этого самого дана Феретти. Средней. Старшая взревновала – и отравила и жениха, и дядюшку.

Оставила письмо, написала, что после двух грехов третий уже и не страшный, и утопилась. Одежду нашли на берегу моря. Есть там такое место, с водоворотами... самоубийцы обожают с той скалы кидаться. Не выплывешь, даже если передумаешь!

Ньор Лаццо (ладно, эти – купцы, вполне солидные и достойные) уже мается в приемной со своим прошением об опеке над несчастными девочками. М-да... не повезло этим Феретти.

Сначала отец, потом мать, потом брат, а теперь вот дядя и старшая сестра. И остаются две малышки... Но чтобы ньор – и опека над даной?

Так не делают. Но выслушать его всегда можно. Филиппо Третий хоть и был законченной сволочью, но не дураком же! Допустим, он сейчас не выслушает Лаццо и решит все своей волей. И зачем при дворе еще две нищие бесприданницы? Судя по справке казначейства, по перечисленным налогам, Феретти – то еще захолустье! Вешать очередной камень себе на шею?

Может, он и невелик, но – зачем?!

Просто – зачем?!

Особенно если найдется кто-то другой, желающий принять на себя эту обузу?

С этими мыслями его величество и приказал позвать ньора Лаццо. Но, как оказалось, тот пришел не один.

– Дан Эмилио Делука. Ньор Фредо Лаццо.

Его величество милостиво кивнул, разглядывая пришедших... минуту?

– Делука? Тот самый...

– Ваше величество, дан Энрико – мой отец. И эти шрамы – от Леверранского чудовища, – поклонился молодой человек. – Меня выходили в замке СибЛевран, но...

Жест был достаточно красноречивым. Впрочем, лицо молодого человека – тоже.

Жутковатая маска со шрамами.

– Я вас слушаю, – милостиво разрешил его величество. И уже через пять минут был доволен и счастлив.

Как оказалось, дан Делука предлагал замечательный выход из ситуации. Он женится на Серене Феретти. Да, той самой... нет, она не такая красавица. Но приданое ей Лаццо дадут, вот ньор Лаццо подтвердит...

Ньор подтвердил. И даже миниатюру с портретом Серены показал. Девушку они с собой взять не решились: у нее истерика, к ней лекаря вызвали, опасаются мозговой горячки...

Его величество посмотрел на достаточно невзрачную девицу, пожал плечами... ну, мало ли что там дана Бьяджи разобрало?

Его величество тоже не слопал бы столько возбуждающего, чтобы на эданну Ческу влезть, а сыну вот нравится.

Так вот. Дан Делука женится на дане Феретти. Но, поскольку дана еще мала, он пока заключает с ней помолвку. И официально становится ее опекуном... помолвка – это же практически брак! А жить она будет у Лаццо, вместе с сестрой. И тут тоже никто не возразит – родня.

Все приличия соблюдены, все отлично.

Его величество довольно улыбнулся.

Вот, это хорошо, это правильно. И ему делать ничего не пришлось, и все преотлично устроилось... что еще надо?

От этих – ничего. Филиппо дал свое согласие и приказал секретарю отдать указания в канцелярию. Пусть оформляют документы...

Да, по Феретти...

Если в течение трех лет дан Феретти не вернется, то будет признан мертвым. И поместье перейдет в приданое старшей сестре.

Подданные поклонились, в восторге от королевской мудрости.

Его величество милостиво отпустил их и вызвал казначея и канцлера.

Дан Бьяджи умер?

Вот... надо перехватить часть его дела. Понизить их с рубиновых королей до рубиновых ньоров, а то еще зазнаются... дан Бьяджи был хищником, другого такого в его семье нет.

Пожалуй, будь эта самая дана Мия жива, его величество даже сильно гневаться бы на нее не стал. Как-никак, девушка оказала услугу короне. За это ее можно и поощрить было... к примеру – казнить безболезненно.

А что еще можно за ТАКОЕ?!

Только казнь. Но если убийца сама свою душу погубила... да и пес с ней! Не до того!

С этой стороны Мия все рассчитала верно.

* * *

Тем же вечером Серена и Эмилио заключили официальную помолвку, и девочки переехали в дом Лаццо, под крылышко Марии, к малышке Кати...

Барбару не уволили. А вот дану Оливию из дома выставили в тот же день. Не надо им такое добро... пусть идет, куда захочет. Денег дадим, и достаточно с нее.

Комар, по здравому размышлению, решил даже в гости не являться. А зачем?

Все ясно. Все понятно. А больше...

Больше ему ничего и не надо. На похороны к Джакомо он придет, и достаточно будет.

Эх, друг мой Удав...

В храме падре Ваккаро молился за душу даны Феретти.

В ее смерть он не верил. Ни разу. Ни рядом, ни близко, ни далеко, ни низко... никак! Самоубийство? Это не про нее сказано!

И... хоть это и нехорошо, но, ей-ей, за дана Бьяджи он молиться не станет. Знал он, чем развлекается благородный дан, а кое-кого и отпевал...

Может, это и плохо.

Но падре Ваккаро его простил, а вот молиться... нет. Для молитвы нужна искренность, которой у падре и в помине не будет. Лучше он помолится за дану Феретти... ему кажется, они еще встретятся. И это – замечательно.

Столица шумела и гудела. Столица болтала и сплетничала.

Столица пребывала в шоке.

Какие там королевские невесты? До невесты еще дожить надо! А тут – ТАКОЕ! С ума сойти можно – какое...

Ей-ей, гнездо шершней, по которому с размаху палкой треснули, и то гудело бы тише. Такие новости... невероятно!

Мия могла быть довольна. Феретти прославились, если и не на века, то надолго.

Адриенна

– Нет.

– Как так – нет?! – Розалия аж задохнулась от возмущения. – Детка, да почему ж нет-то?!

– Потому что я вас всех люблю. И не хочу, чтобы вам причинили вред. Отца я уже потеряла, я не хочу потерять и вас, – резко ответила Адриенна.

Спор проходил в главном зале СибЛеврана, в присутствии всех заинтересованных лиц. И можно даже сказать, всех – на одного.

На одну Адриенну.

Впрочем, отбивалась дана СибЛевран вполне успешно.

Нет, она никого не возьмет с собой.

Ни служанок, ни Марко... особенно Марко!

Отец?

Дан Марк может ехать с ней, может не ехать... Не едет? Вот и отлично. Дан Рокко вообще обязательно остается в СибЛевране. До нового хозяина или хозяйки, которым он весьма и весьма поможет.

Адриенна отлично понимала, что взять его в столицу – это подписать смертный приговор. Тут он хоть как-то ожил, и есть шансы еще пару лет протянуть. Вон какой довольный, по весне к дочери съездил, на внука полюбовался... аж светится!

И его опять туда? В этот гадюшник?

Нет, не надо...

– Никого ты не потеряешь, – уперла руки в бока Розалия. – Что там – травить кого будут?

– Может, и травить, – меланхолично заметил дан Рокко.

– А?!

– А вот так. В чем-то дана Риен права, – вздохнул управляющий. – Любой человек, любое существо, к которому она проявит привязанность, будет уничтожено. Я не сомневаюсь в эданне Вилеци.

– Да как же так можно?! – аж задохнулась Розалия.

– Можно. – Дан Рокко смотрел как-то так, что все понимали: не шутит. – Я жил при дворе, я могу сказать, что дана Адриенна... Дана, вам тяжело, но это, пожалуй, самый лучший выбор из всех возможных. Вы никого с собой не берете, вы ни от кого не зависите, вас ничем нельзя уязвить. Кроме самого СибЛеврана.

– Я уже знаю, кому я его отдам. Поверьте, ничего не изменится, и мне вернут его в любой момент, – отмахнулась Адриенна.

– Вообще отлично.

– На всякий случай – вот мои распоряжения. Дан Рокко, ознакомьте с ними всех присутствующих... потом, когда я уйду.

– Хорошо.

Дан Рокко и так мог бы ознакомить. Все он отлично знал, потому что именно с ним Адриенна советовалась.

По каждому из домочадцев.

Кому-то доставались деньги, кому-то земля, дом... понятно, что никто не обязан уходить из замка.

Но если случится нечто непредвиденное, никто не останется на улице. Они предусмотрели этот вариант.

Разве что дан Марк... но с ним еще придется поговорить. Сейчас. Самой Адриенне.

Дана встала.

– Я еду не выходить замуж. Поверьте, это хуже всякой войны. Считайте, что я буду находиться в тылу врага. Жестокого, безжалостного и изобретательного. А потому... не обижайтесь на мои распоряжения. Я действительно пыталась сделать так, как будет безопаснее для вас всех. Я вас очень люблю. – И пресекла ответные заверения одним легким жестом. – Дан Рокко, огласите. Отец, я хочу поговорить с вами...

Дан Марк поморщился, но последовал за дочерью.

В кабинете Адриенна уселась в кресло, в которое столько раз усаживался он, и посмотрела на отца.

И на миг...

То ли время поплыло, то ли пространство...

Рианна такой никогда не была. Не была и Адриенна. А вот Моргана... На долю секунды дан Марк увидел перед собой именно ее. Моргану Чернокрылую, прародительницу целой династии, женщину, которую действительно боялись на полях сражений...

Страшную?

Нет, внешне она не была страшной. А вот внутренне... это как сидит перед тобой весьма голодная черная пантера и милейшим образом облизывается на твои печенки-селезенки. Еще и примеряется, куда это тебя укусить, чтобы ей повкуснее было, а тебе побольнее.

И так это дану живо представилось...

Он даже руками непроизвольно прикрылся. В стратегически важном месте.

– Я уезжаю, – просто сказала Адриенна. – Мне жаль, что так получилось... отец.

– Я желаю тебе счастья. – Дан Марк кое-как взял себя в руки. Это же его дочь? Ну да... странно как-то ее бояться... даже неправильно.

– Ты действительно не хочешь поехать ко двору?

– Нет. Не хочу. Ты дала позволение Энрико, нам вполне неплохо здесь. Охота, леса, поля...

Адриенна кивнула.

Дала.

Энрико Делука получил разрешение, а поскольку охотником он был хорошим, то никогда не забывал о брачных сезонах и прочем...

Убийство ради убийства?

Нет, это не для него. Но вот уменьшить численность тех же волков, завалить медведя-шатуна, проредить обнаглевших зайцев или уничтожить бешеную собаку...

У охотников тоже много дел. И дан Марк нашел себе хорошее занятие. Все лучше, чем по продажной девке страдать.

Кстати – тело так и не нашли, к большой радости Адриенны. Хорошее она болото подобрала, глубокое...

– Я не оставлю СибЛевран вам, отец. Но жить вы здесь сможете, сколько вам будет угодно.

– Сколько будет угодно новой хозяйке.

– Она моя подруга. И все поймет правильно.

– Надеюсь. Я могу идти?

– Да, – Адриенна горестно смотрела вслед отцу.

Вот так... своего эданна Сусанна добила. Или эданна Франческа?

Они были семьей, а теперь ИХ уже нет. Когда они прошлый раз ехали в столицу, отец любил Адриенну и готов был жизнь положить за нее. А она – за него.

А сейчас...

Сейчас темнота. И пустота.

Это не смерть. Но ведь и близкого человека Адриенна лишилась. Может ли она подвергать остальных такой же опасности?

Ответ один.

Нет. Конечно же – нет!

Она поедет одна, в сопровождении только гвардейцев. И никого с собой не возьмет. И будет строить свою жизнь с нуля.

Прабабка в столице, она подскажет и поможет... хотя бы советом. Чутье тоже от Адриенны никуда не денется. Так что еще надо?

Немного везения.

Или очень, очень много везения... Адриенна и сама не понимала, что плачет.

Даже если она сюда вернется, это будет уже другая Адриенна. Совсем другая.

Прощай, Сиблевран.

Прощай, мое детство...

В столице

– Милый, я ТАК тебе сочувствую!

В проникновенных интонациях эданна Франческа поднаторела за последние десять лет, могла бы и кого другого поучить. Его высочество растекся киселем.

А что?

Он не достоин сочувствия?

Он-то его и достоин!

Сначала... это... проклятие, потом любовница умирает во время родов... и ладно бы – одна! Так ведь с ребенком! С его, доношенным, только родить осталось – так и с этим справиться не смогла, дура!

Ладно.

Сходил он посмотреть, чего там доносили и не родили. Вышел, протошнился в уголочке и понял, что да. Проклятие – оно работает.

Теперь отец умирает. Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы...

Это – не повод для трагедии?

Напомнить потенциальному Филиппо Четвертому о том, что, на минуточку, он – принц, не голодает, не мечется в поисках пропитания, не... не... не...

Да много чего – не. Любой крестьянин бы ему не посочувствовал, а у виска покрутил. Ты чего – рехнулся, дан? У тебя столько всего есть, а ты еще и плачешься? Тьфу, дурак.

И, если честно, эданна Франческа недалеко от того крестьянина ушла. Потому что примерно так и думала. Чего б не радоваться жизни? Вот дурак-то!

У тебя же самое главное есть!

Власть!!!

А ты?

А, что тут объяснять, все равно не поймет ничего, еще и страдать будет, и обидится. А потому... эданна Ческа нацепила на лицо самую-самую сочувственную улыбочку и принялась убеждать его высочество, что все образуется.

Надо только молиться, и Господь милостив...

Поэтому следующая фраза любовника на нее упала как топор палача.

– Ческа, тебе придется хотя бы на несколько месяцев уехать из столицы. Отец настаивает...

– ЧТО!?! – возопила эданна. Куда и сочувствие делось?

Принц потупился, хотя вины он за собой не ощущал. А что? Он принц, скоро вообще королем будет, его подданные – его воля. Что прикажет, то и будет! А он может и приказать... вообще! Ладно, он еще чуточку потерпит, все же это его любимая женщина. Но слушаться она его обязана! А как иначе, если он ее любит?

– Я женюсь.

– Ч-Т-О!?!

Эданна Ческа ощутила, что воздух закончился. Вот был – и закончился. А вместо него по горлу расплзлись гадкие и колючие ежи... и затеяли там потасовку. А иначе почему она ни вдохнуть не может, ни выдохнуть...

УТЬ!

Его высочество, который заметил, что любовница как-то подозрительно синееет и вообще – не дышит, со всей силы треснул ее по спине. Силы там хватало, потому что ежики вылетели и куда-то делись. А Филиппо разъяснил свою позицию:

– Отец желает, чтобы я женился до его смерти. И консуммировал брак – тоже. Поэтому тебе придется пока немножко удалиться от двора. Не слишком далеко, нет. Чтобы я мог регулярно приезжать. Ты понимаешь, дорогая, интересы династии требуют...

Эданна этого понимать решительно не желала. Она уже все преотлично распланировала. Филиппо Третий умирает.

Филиппо Четвертый пока свободен! До семнадцати лет этой соплячки брак заключать нельзя, так прописано в договоре. А значит, что?

Правильно, Ческа уже и кандидатуру подобрала.

Дан Сильвано Тедеско.

Между прочим – милейшее существо. Так посмотреть – ну чистый ангел! Свежевымытый!

Волосы золотые, локонами по плечам; глаза голубые, огромные; телосложение то ли поэта, то ли легендарного эльфа; и такое же очаровательное лицо...

Улыбка! Манеры!

А что? Половину придворных дам пере... валял, паразит! Все спальни посетил, до каких добрался! А куда не пустили, там или возраст, или беременность, или родители такие, что дешевле не связываться. Оторвут нечто важное – и только в церковь останется. Натурщиком. Для икон.

При этом вроде и не беден, и не жаден, и не особенно глуп... просто – кобель! Кобелино!

Даной СибЛевран он занялся бы и из чистого интереса, ну и Ческа собиралась ему кое-что пообещать. Принц на свою любовницу не скупился, одаривая ее и деньгами, и землями... найдется подходящий кусочек. Дан Сильвано из младших сыновей: содержание ему выделили, а вот земли не предвидится. Так бы он самостоятельным стал, на ноги встал, мог бы и свой род основать... или вот, СибЛевран – чем не поместье? И удобно, и от столицы далеко, и передается по наследству, а уж эданна Ческа бы к нему от всей души чего прибавила...

И не надо никакой свадьбы!

Ческа и сама может замуж выйти.

А ребенок... Что – ребенок? Его и так можно... усыновить, к примеру. Или она от кого-то другого забеременеет... разберется она с престолонаследием! Ей все удастся, она красивая и умная, она вообще этого достойна! Она в короне будет смотреться намного лучше, чем эта кошмарина СибЛевран!

И в золоте, и в пурпуре, и даже на троне...

Бывало же и так, что королевы странами правили?

Бывало!

И тут вдруг такой... такой эпический провал! Эданна аж зубами закричала, да так, что Филиппо шарахнулся в сторону. Мало ли, еще укусит!

Отец предупреждал – жди истерики. И истерика таки последовала.

Ческа страдала.

Ческа рыдала.

Ческа угрожала убить себя, убить его, убить разлучницу, убить всю Эврону – а что?! Чего она тут стоит, так неудобно, и совершенно чихать хотела на страдания эданной?

Истерика перешла в слезы, слезы в поцелуи, а поцелуи в нечто более приятное. Эданна пообещала любовнику, что обязательно уедет, только... чуточку попозже. Когда должна приехать дана?

В начале лета?

Отлично!

Дана в столицу, эданна из столицы. У нее тут, совсем недалеко, буквально часов шесть пути, есть отличный замок, мусичек сам же ей и дарил. Вот в нем она своего сладенького помпосика и будет ожидать.

Не есть, не спать, а только ждать, у окна сидеть, косу отращивать...

А лапсик будет приезжать, часто-часто! Правда же?

Лапсик, бусик и помпосик заверил свою лапочку, бусинку и помпошеньку, что так и будет. И с утра откланялся с громадным облегчением.

Как хорошо, когда тебя понимают! Просто – КАК ХОРОШО!!!

* * *

– Он меня отсылает!!!

– Да не реви ты. – Старая ведьма подсунула эданне носовой платок... не первой и даже не десятой степени залежалости, но эданне было наплевать.

Она рыдала.

А как же?

Кругом столько хищниц, столько стервозин, а Филиппо еще и женится, и король будет против приезда эданной в столицу, и умирает он... как же!

Такая сволочь не помрет! Он раньше на могилки всем остальным нагадит!!!

Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы!!!

Ведьма кое-как успокоила эданну, напоила отваром и вежливо поинтересовалась:

– Так, может, оно и к лучшему? И мужик ребенком обзаведется, наследничком, и тебе рожать не придется? Ты ж сама о проклятии знаешь?

– Я думала... но отсылать-то меня зачем?

Ведьма хмыкнула.

Ответ был прост. Да потому, что ты, сволочь, ни сделать ребенка не дашь нормально, ни выносить, ни родить. Натура у тебя такая, гадюшечная! Ведь прекрасно все понимаешь, а сидишь тут, сопли размазываешь... тебя рядом оставь – не удержишься. Нет, не сможешь удержаться.

Характер такой.

Вот его величество и решил превентивно невестку обезопасить – скажи спасибо, голову тебе не оторвал, как той гадюке! А мог бы... добрейшей души человек, право слово!

Вот ведьма бы нипочем не удержалась, если б рядом с ее семьей такое ползало и шипело. Она ее и как клиентку-то едва переваривает! А Филиппо Третий терпит... и не давится эданна грибочками!

Истинно святой человек наш король!

Уже стяжавший мученический венец при жизни!

– Ты от меня сочувствия ждешь, эданна?

– Нет, чтоб вам! Помощи!

– Короля травить будешь?

– Нет! Мне приворотное зелье требуется! Такое, чтобы принц всегда – от любой бабы – возвращался ко мне! И только ко мне!

– Это дорого встанет, эданна.

– Знаю.

– И не только деньгами дорого будет...

Эданна Ческа опустила голову.

Да, конечно. Будут и жертвоприношения, и ей придется участвовать... и что?!

И ничего!

Плевать ей на это отребье! Плевать ей на любые жертвы! Она желает сохранить свое положение! Она этого достойна! А кто там ляжет под каблучки остроносых сафьяновых туфель... разве это важно? Вы же не думаете о каждом камне в мостовой?

Вот и эданна не собиралась думать о всяком быдле! У них такая судьба – служить ей!

– Когда?

– Дня через четыре. Как раз подходящее время будет.

– Я приеду, – кивнула эданна. И вышла.

* * *

– Я не думал, что у короля все настолько плохо. – Жрец действительно не считал так. Но сейчас, услышав это, считай, из первых уст...

Действительно – короткая дорожка. Эданна Ческа – принц – король. И вряд ли кто-то из них допустил серьезное искажение информации.

– Значит, настолько, – безразлично откликнулась старая ведьма. – Тебе-то что с того, дан? Тебе еще и лучше...

– Я не рассчитывал, что придется начинать так быстро.

– Это я понимаю. Но обстоятельства нас не спрашивают. Надеюсь, ты у меня не будешь просить средство, чтобы устранить дану СибЛевран?

– Глупо.

– Или приворожить? – блеснули ехидными огоньками глаза ведьмы.

– Я что – дурак? Знаю я тебе цену...

Ведьма развела руками.

– Ты знаешь, дан. Илария Кавалли была лучше меня, умнее меня – и чем все закончилось?

– Тем, чем может закончиться и для тебя. А если так, стоит ли брать меньше?

– Стоит, – решительно ответила ведьма. – Я не знаю, где сейчас Лари, но столько я платить не готова. Может, и никогда не буду.

Мужчина пожал плечами, словно бы говоря: «Твоя дурь – твое дело».

– Решай сама. А мне нужно то, в чем ты хороша. Не приворотные, а твои мазилки... афродизиаки. Поняла?

Ведьма кивнула.

– И поняла, и сделаю...

– Вот их изготовь. Да побольше...

Ведьма кивнула. И не удержалась.

– Если для личного пользования, то могу еще и зелье сделать. Чтобы! – Ведьма важно воздела указательный палец, явно намекая на нечто другое. – А если зелья для даны СибЛевран нужны, так я могу и не стараться.

– Почему?

Кажется, для жреца это оказалось сюрпризом. Ведьма только головой качнула.

– Дан... она – Высокий Род! В ней ТА кровь, понимаешь?

– Н-ну...

– Не понимаешь. Это не титул, не звание, не вывеска. Это либо есть, либо нет. Это не продашь, не купишь, не лишишься в результате переворота или болезни. Это либо есть, либо нет...

– Меньше слов!

– А если так... на нее это НЕ ПОДЕЙСТВУЕТ! Никогда! Хоть ты себя облей, хоть ее испулай – не поможет!

– Потому что в ней проснулась ТА кровь?

– Даже если не проснулась, действовать будет гораздо хуже. Словами ее можно обмануть, запутать... как с обычным человеком. А вот магия, зелья... в ее крови они просто растворятся.

– Что?

– Говорили когда-то, что кровь Высокого Рода – высшая магия.

– Эм-м...

– Не в смысле сцедить и выпить. Такое тоже было, плохо кончалось. Среди ведьм передается... Одна из ведьм решила попробовать. Мужчина Высокого Рода, ну и она... сам понимаешь. Все у них было. А потом, когда он уснул, она взяла кинжал, надрезала ему руку, сцедила крови и выпила.

– И?

– Один глоток. Больше не успела.

– Умерла?

– Говорят, рассыпалась в прах.

– Может, врут? – засомневался жрец.

– Может, и врут. Но на себе проверять не советую, – хмыкнула ведьма. – Что-то это, конечно, значит, но что? Если бы нас так не преследовали, если бы не жгли книги, не отбирали знания...

– Вы бы под себя все подмяли, до чего дотянулись! – рыкнул жрец. – Знай свое место, дрянь!

Ведьма усмехнулась.

– Я его и знаю. А ты, дан, думай о том, которое мечтаешь занять. Хорошо думай, потому что с Высоким Родом второй попытки у тебя не будет. Они не предупреждают, не угрожают, они просто живут. А те, кто желал причинить им вред, – умирают, умира-а-а-а-ают...

Голос ведьмы понизился до шепота. И мужчина не выдержал. Скрипнул зубами, выскочил вон... дверью хлопнул так, что та чуть с петель не слетела. А ведь дуб...

Ведьма откинулась на кресло, вздохнула.

– Дурак ты, дан. Ох, дурак...

Она вспоминала то давнее время, когда они с Лари были молоды. Когда мечтали о магическом даре. Когда хотели... и были готовы отдать что угодно.

И отдали...

Жертвоприношения, в которых участвует эданна Ческа, ведьма вспоминала разве что с улыбкой. Вот дурочка-то...

Козлов резать, баранов, людей...

ТЬфу! Идиотка безграмотная!

Настоящей жертвой можешь быть только ты сама. Ты приносишь себя в жертву Повелителю, ты отказываешься от части себя – и пропорционально этому тебе даруется сила. Две послушницы, отданные в монастырь нелюбимой и нелюбящей родней, они быстро нашли общий язык. Обе были молоды, обе плевать хотели на всех богов мира, обе хотели силы, власти, мести...

Но именно Лари нашла в библиотеке старый ритуал.

Такая уж штука эти монастырские библиотеки. Иногда и монахи, и настоятели не знают, что в них кроется. А им – им достаточно было нескольких слов, которые кто-то нацарапал грифелем на полях старой книги.

Лари всегда была смелее.

А вот Летта... да, когда-то она была даной Дзанелла. Виолеттой Дзанелла.

Так давно, что уже ничего и не осталось. Ни от даны, ни от монастыря... а где еще им было проводить ритуал вызова? Только там. На башне. Наверху, чтобы никто не заметил.

Лари все сделала первой. И Летта с ужасом смотрела на тень, которая поднялась над подругой. На то, как Лари смело отдавала ей себя. Нет, не всю. Но...

Что можно отдать в обмен на силу? Настоящую силу.

А что есть у человека?

Что делает человека – человеком? Наверное, чувства, причем как доброта, забота, любовь, тепло, так и обратные им: ненависть, ревность, зависть... Так мало, ведь это не измеришь деньгами. И в то же время так невероятно много...

Вот это Лари и отдала. Все, до капли... Единственное, что оставило ей чудовище, – любовь к детям. Если она родит когда-нибудь... В издевку? Да кто ж знает...

Летта оказалась не столь храброй.

В круг она вошла. И слова она произнесла. Но становиться холодным чудовищем не пожелала. И отдала совсем немного. Она отдала умение ненавидеть, завидовать... она была глупа и романтична, она хотела найти любовь...

В ту ночь монастырь был разрушен.

Две послушницы оказались среди немногих уцелевших, и семьи забрали их домой, чтобы потом снова отдать в монастыри, только в другие...

Не успели.

Семья Кавалли, семья Дзанелла...

Остались только истории – и могилы. А больше никого. Два рода оборвались в тот же год. Девушки были молоды, обижены на жизнь и на свои семьи, они не стали тянуть. А потом...

Двор, блеск, балы, интриги... и семьи.

Лари вышла замуж выгодно, Летта – по любви. А результат?

Один и тот же. Сила прорывается. Ее не удержишь внутри, даже если ее капли, вот по каплям и собирается... Илария ушла раньше. Она понимала, что если на детей падет хоть тень подозрения...

Летта – позднее. И сейчас она иногда позволяет себе такую роскошь – видеть детей, внуков... это они ее не видят. А она проезжает мимо в паланкине, она за них радуется...

О еще одной плате тень не сказала.

О боли. Неизбывной и неумолимой, которая сопровождала их с тех самых пор.

Тень промолчала.

Впрочем, так бывает всегда. Душа – это только часть оплаты. И кто за ней явится – Виолетта Дзанелла знала совершенно точно. Или...

Или – нет.

Смерть подруги она почувствовала. А еще – видела сон.

Странный. Неправильный. Но в этом сне дана Кавалли – такая, как была, молодая и отчаянная – взлетала вверх из тени. Взлетала на вороньих черных крыльях.

И провалиться старой ведьме на этом месте, если не...

Сибеллины.

Моргана Чернокрылая.

Виолетта Дзанелла не знала, как такое получилось. Даже не догадывалась. Но сейчас, когда дана СибЛевран приедет в столицу...

Ей будет что предложить дане.

Если это так – ей будет чем заплатить.

Мия

– Парам-пам-пам-пара-па-пам...

Дана Феретти шагала по дороге. Насвистывала себе под нос, улыбалась...

Хор-рошо-о-о-о-о...

Привал, что ли, устроить?

Тоже отличная идея.

Мия направлялась в Энурию. Да, пешком. Может, потом она ослика купит, но пока спешить ей некуда. После того, что произошло буквально вчера...

Мия сама не могла себе поверить.

Но... она – свободна?!

Как ни странно это звучало, она – свободна!!!

Это было так давно, что Мия даже не помнила – она когда-то была сама собой?

Давно... еще до смерти отца. Еще до того, как ей сунули в руку ладошку Энцо и сказали: ты – старшая сестра, ты обязана.

Это было, но забылось. А сейчас Мия абсолютно спокойно шла по дороге. И не боялась ничего, и не собиралась бояться. Самый страшный зверь здесь – она. Это уж точно...

Может, и не со всеми подряд, но с бóльшим числом проблем она справится. С ее-то подготовочкой!

Дядя постарался...

Джакомо многое в нее вложил. А она чем отплатила? Убила его?

Но выбора-то не было...

Может, Мия и нашла бы потом какой-то другой выход, но тогда... Она попросту вульгарно растерялась. Или наоборот – осознала свою беспомощность?

Она – собака на сворке. У Джакомо...

Просто собака на сворке.

Он решил выдать замуж ее сестру, и она не могла ничего сделать. Сказать, что дан Бьяджи извращенец и подонок? Так Джакомо и сам это преотлично знал. Но выгода для семьи на его весах перевешивала мучения и смерть Серены.

А для Мии – сестра была дороже любых денег и связей.

Умолять не действовать так? Но Мия отлично знала Джакомо. Просто Серена оказалась бы у дана Густаво не явно, а тайно. Исчезла бы, и Джакомо клялся с честным лицом, что представления не имеет... где бы она потом искала сестру? В каком состоянии нашла?

Лоренцо?

Окажись здесь Лоренцо, он бы тоже был в опасности. Джакомо мог бы сделать с ее братом что угодно... И нигде не сказано, что не сделал бы. Просто Энцо был удобен и не опасен. А если бы все поменялось? А?

Могло. И, кстати, дан Бьяджи как раз сработал бы спусковым крючком. Почему нет? Связи есть... признать Джакомо наследником Феретти, удачно женить, ввести ко двору... да много чего можно было придумать. Сейчас этого уже не будет.

Никогда.

И Мия испытывала от этого облегчение.

Никто из власть и деньги имущих не женится теперь на Серене Феретти – не то чтобы плохая примета, но скандал в семью? Для этого нужны очень веские причины. Например, любовь... с поместьем-то еще ничего не известно, и денег якобы у Серены нет. Приданого родители не запасли, а Лаццо... купцы – народ прижимистый, у них и своих детей-внуков хватает. При чем тут родня зятя?

Тем более мертвого.

Мия понимала, что в сложившейся ситуации это было единственным выходом, который ей оставили. Ее, как крысу, загнали в угол, и крыса кинулась. И впилась в горло. Говорят, и такое бывает. Когда змею кормят мышами... иногда мышь может загрызть змею. Вот, она та самая мышь. Только все равно тоскливо это. И почему-то ужасно несправедливо.

Правильно. Но – нечестно.

При мысли о Джакомо Мия загрустила. Как-то было... тоскливо и неправильно это. Тоска собаки по ошейнику и поводку? Да, в какой-то мере.

Раньше у нее был дом, хозяин, миска, команды, которые она выполняла. Сейчас – ничего. Пустота. Неизвестность впереди. А вот что делать со свободой?

Вот именно, что неясно.

Впрочем, Мия не собиралась унывать. Для начала ей хотелось разобраться со своей кровью и разузнать все поподробнее.

Вспоминались материнские рассказы.

– Прабабка меня не любила. И говорила, что это не по моим мозгам. – Эданна Фьора, такая невероятно красивая, прикалывает в волосы цветок. – Она говорила, что нас создавали защищать, оберегать, помогать. Именно создавали, как выводят породу бойцовских собак. Но кто? Не знаю. Потом случилось что-то неприятное, и наши предки обрели свободу. Вот и все...

– Прабабка... она служила Сибеллинам?

– Да.

Мия посчитала поколения по пальцам. Нет, не сходилось... как-то неправильно получалось. Эрвлины правят королевством сто лет – четыре поколения. То есть прабабка Мии могла служить или Эрвлинам, или... во сколько же она родила тогда бабуку?

Неизвестно.

Или... или было еще одно поколение, о котором не знает мать. Она ведь и правда не в курсе истории семьи. Кстати, а кто мешал Мие?

Ну, в какой-то степени тот же Джакомо. Давать дяде хоть какую информацию о себе и других перевертышах Мие совершенно не хотелось. И так слишком много он узнал, непозволительно много.

Правда, почему бы не отправиться именно туда и не посмотреть церковные книги?

Прабабку звали Эванджелина Бонфанти. Интересное имя, достаточно яркое. Если бы была какая-нибудь Роза Росси, к примеру, найти ее было бы сложно. А Эванджелина Бонфанти...

Тут шансы есть.

Мия сосредоточилась, вспоминая.

Да, мать тоже упоминала, кстати говоря, Энурию. Одну из самых старых провинций королевства. Провинцию, которую покорили практически сразу. Но...

Покорили?

Это как спящий тигр в клетке. Вроде бы все тихо, мирно, спокойно... ну подойди, подойди же к кисе! Она так хочет кушать!

А подойдешь – так и мявкнуть не успеешь. Только когти сверкнут.

Так что определенно – Энурия. Не просто так оттуда приехала прабабка, не просто так там жил мастер Сальвадори... что там говорил мастер Гаттини?

Мия не забывала ничего.

Ньора Октавия Росса из южной части Энурии, конкретно – из городка Пратто. Так звали тещу мастера.

А прабабка мимоходом упоминала о городе Умбрайя.

Вот, отсюда и надо танцевать. Отсюда и будем...

Примерную карту королевства Мия помнила. Если так прикинуть... Умбрайя поближе. Бонфанти жили именно там... не в самом городе, мать говорила, что вроде как рядом...

Наверное, как Адриенна СибЛевран. Она тоже живет не в Альмонте, но ведь СибЛевран рядом...

Мия зачесала кончик носа.

М-да... ей предстоят серьезные изыскания. Но, может, это и к лучшему?

Если так прикинуть... она искренне надеялась, что все участники ее истории – люди разумные. То есть поступают так, как лучше для них самих. Ну и немного для окружающих. Но ведь это же люди!

Разумно, если Фредо отправится к королю и возьмет на себя опеку над девочками. Это правильно и логично. Но тут ему не даст свернуть с пути Мария.

Разумно, если Эмилио сделает предложение Серене. Это тоже логично и выгодно им обоим.

На это Мия рассчитывала почти со стопроцентной вероятностью. А вот дальше начинались сплошные вопросы.

Поверят ли в ее смерть?

Лаццо не поверят, это уж точно: среди них идиотов нет. И сестры не поверят: она обещала девочкам вернуться – с такими словами не топятся.

А вот что дальше?

Скажут ли они об этом кому-то постороннему? К примеру, королю? Там и намека достаточно, чтобы Мию Феретти начали искать. Понятно, не найдут, но могут потрепать нервы, могут отобрать дом, могут поинтересоваться, откуда деньги и чем занимался дан Джакомо...

Это невыгодно и ей, и всем остальным. Но Мия вынуждена учитывать такой фактор, как человеческая глупость.

Или... Комар.

Если честно, короля Мия боялась меньше. Машина правосудия – она такая: хоть и безжалостная, но ей можно и песочка в шестеренки сыпануть... золотого, и проскользнуть меж жерновами.

Это вполне вероятно.

А вот у преступников свои законы и свои правила. И, останься Мия в столице, Комар вынужден был бы ее убить. Кодекс такой. Удав – его друг.

Либо Мие пришлось бы откупаться: вполне вероятно – собой, ничего другого, сравнимого по ценности, у нее просто нет.

Либо... либо Комар вынужден был бы объявить на нее охоту. Выбора не осталось бы.

Джакомо не просто его подчиненный, хотя и это важно. Джакомо его близкий друг. И этого друга убивает пигалица... пусть ученица Удава, пусть сама Змейка... да, кое-какую известность в уголовном мире Мия завоевала. Но Комара заставили бы ее уничтожить.

Сейчас же...

Он разумный. Втихую Комар может и искать ее, и удавить, если найдет. Но это потом, потом... а пока он делает вид, что Мия тоже утопилась – и забудет о ее существовании. И семье ее мстить тоже не будет.

Не за что.

Мия заметила неподалеку от дороги весьма удобный ключик и свернула туда.

Сейчас она посидит на берегу ручья, вымоет руки, покушает, потом пойдет дальше. Путешествовать хорошо, когда у тебя есть деньги, когда ты можешь за себя постоять, когда ты умеешь работать и зарабатывать... Кстати – когда тепло: тоже немаловажно.

К зиме она найдет где остановиться. А лето...

Летом она будет гулять по королевству. И это – здорово.

Кстати, и искать ее в Энурии никто не будет, и найти не сможет. Ее можно связать с Альмонте, с СибЛевраном, вот она туда и не пошла.

Адриенну втягивать в это не стоит. Письмо Мия ей отправила, но когда оно еще дойдет, то письмо? И что скажет подруга?

Хотя Мия и так подозревала, что знает. Адриенна и приняла бы ее, и прикрыла от всего мира, и помогла, и защитила...

Такая уж у них дружба. Но подставлять Адриенну? У которой и так жизнь не мед с вареньем? Нет, нельзя...

Лучше пока она будет путешествовать сама по себе. И инкогнито, как некая Леонора Белло. А через пару лет можно будет и домой вернуться.

Много воды утечет, много всего перевернется... может, и Комара прихлопнут, может, и Лоренцо вернется... вот и приедет к нему кузина.

А еще посмотрим. Кто что скажет, насколько разумные люди ее окружают – это тоже стоит знать заранее.

Ручеек, протянувшийся по небольшой ложбинке, тихо шептал ивам что-то романтическое. Рядом даже небольшая площадка была утоптана, и место для костра оставлено, и бревнышко подходящее лежит. И дрова есть – мало ли что? Потом, когда Мия будет уходить... Хотя она костер разжигать не будет – так... всухомятку перекусит.

Мия поудобнее устроилась на бревнышке, пожевала хлеба с мясом, глотнула сидра из фляжки.

Хорошо...

Достала лютию и попробовала подобрать мелодию так, чтобы она совпадала с журчанием ручья. Оттеняла его, переплеталась...

Получалось неплохо.

Как же давно она никуда не спешила.

Как же давно не была просто Мией...

И невольно... лютия была осторожно прислонена к дереву, а Мия опустилась на колени. Привычные слова молитвы на ум не шли, но разве они вообще нужны? Самое-то главное Господь и так услышит!

Спасибо тебе, что ты сотворил и нас, и весь этот восхитительный мир! Спасибо за то, что я живу!

Спасибо...

Ты лучший в этом лучшем из миров... и я тебя за все благодарю...

Мия не замечала, что плачет.

А ручеек бежал, шептал, разбрасывал на листья ив веселых солнечных зайчиков, шелестел опущенными в него ветками...

Все пройдет.

И то пройдет, и это, и все остальное пройдет... ты не расстраивайся, главное ведь ты поняла! Мир прекрасен, ты живешь на этом свете, ну и что тебе еще надо? Ничего...

Главное – ты поняла. Это и есть бриллиант. А остальное – так, оправа...

* * *

- Комар! Это против нашего закона!
- Тебе ли, Гнус, говорить мне о законе?

Мужчина действительно чуточку гнусавил. После давнего перелома нос у него был постоянно заложено, но Сопливым его прозвать попросту не решились – жить хотелось. Поэтому – Гнус.

Опять же, такого гнусного характера и вообще гнусной сущности (суЧности) еще поискать было... и не найти во всем Грязном Квартале. Может быть, именно поэтому он был затычкой в каждой бочке и лез куда просят и не просят.

Вот и сейчас...

– Почему бы и не мне? Закону рот не заткнешь! Удав мертв...

– И что?

– А его убийца...

– Ты, Гнус, отстал от жизни. Его убийца – мертва. На мысе Самоубийц нашли записку, Мия Феретти не пожелала жить с таким грехом на душе.

– Да соврала она небось... у нее таких грехов – что собак недорезанных...

– Молчать! – шикнул Комар, воздвигаясь со своего кресла. Вот в такие минуты можно было понять, как этот средних лет мужчина правит своей частью квартала. Вроде бы и спокойный, и мирный, но сейчас... Спорить с ним? Да тут не описаться бы, как щенку!

Гнус и заткнулся. Прекрасно понял, что еще одно воззвание к Закону – и все свитки с оным заколотят ему... в лучшем случае – в горло. В худшем – сзади, но до самого горла.

– Я. Еще раз. Повторяю. Дана Мия Феретти мертва. Она прислала мне письмо, можете ознакомиться... законники, – рыкнул Комар.

Пергамент полетел на стол.

Этот вариант Мия тоже предусмотрела, и сейчас Комар испытывал почти отцовскую гордость. Да, они с Удавом вырастили чудовище!

Но какое!

Гнус послушно взял пергамент.

Ну да, то, что принесли письмо от Мии Феретти, знали многие. А вот сколько пергаментов в конверте... это уже вопрос.

«Комар!

Я знаю, что я виновата перед Богом и законом.

И знаю, что только моя смерть сможет избыть эту вину.

Сегодня я ухожу. Навсегда.

Надеюсь, что мою семью вы не тронете, они ни о чем не знают и ни к чему не причастны. Дана Мия Феретти».

Коротко и по делу.

Гнус прочитал это, потом потер лоб.

– Так энтэ... она и правда, что ль, утопилась?

– Кретин, – коротко высказался Комар. – Неужели ты думаешь, я оставил бы смерть своего друга неотомщенной?

Ну... не думал. Но вдруг бы удалось подловить Комара на каком-то нарушении? Да использовать в своих интересах?

Хотелось. Не получилось. И Гнус заткнулся. Вряд ли надолго, характер такой, но... не убивать же его! Глупого врага иметь приятно! Всегда знаешь, на чем он споткнется, всегда предугадаешь его действия... прелесть! Даже убивать пока не хочется.

Комар поступил как разумный человек.

Но втихаря он, конечно, Мию поищет. И рассчитывать на пощаду ей не стоит. Удава он прощать не собирался. Даже собственноручно выращенному чудовищу.

Лоренцо

– Люблю тебя... пожалуйста, не отталкивай... умру...

Кто бы смог после таких слов оттолкнуть девушку?

Да никто! И Лоренцо Феретти исключением не оказался! Особенно учитывая, что девушка лежит в его палатке, прижимается к нему плотно-плотно, так что между ними и перо не просунешь, а еще она голая. Вообще. Как палец...

Тут сначала у мужчины инстинкты включаются, а уж потом мозги изволят работать.

Вот у Лоренцо Феретти так и произошло. Тем более что в темноте не видно... гхм... рожи. Другого-то слова милое личико Динч и не заслуживало.

Как есть – рыба морда.

Может, при свете дня у Энцо и духу не хватило бы на такой подвиг, а может, возраст плюс определенная смелость (на арене и львы были, и кто пострашнее) сработали бы. Но – не пришлось.

Динч все рассчитала верно.

Тем более уже две недели в пути, почти месяц без женщины...

Движение бедрами у Лоренцо получилось почти инстинктивно. А потом... потом было уже и поздно. Процесс пошел.

И неожиданно ему понравилось. Динч, кажется, тоже... она глухо стонала и крепче прижималась к парню. И так – несколько раз.

Хорошо было обоим. И ему, и ей... ушла она уже под утро.

Пора было вставать, собираться в дорогу...

У их маленького костра ждал Зеки-фрай. На костре он успел уже сварить кофе, а кашу взял из общего котла. Мальчишки носились по стоянке каравана... где-то там.

Мужчина посмотрел на Динч серьезным взглядом.

– Ты уверена?

Женщина ответила злым блеском в глазах.

– Ты собираешься мне мешать?

– Нет. Ты для него хороший вариант, – спокойно ответил Зеки-фрай. – Ты умная, серьезная, а что старше... и это не страшно. Переделается со временем... да и детей ты ему родить можешь.

Динч кивнула.

– Могу.

– Только... ты знаешь, что у него есть любимая женщина? В Эрвине?

– Знаю. Адриенна Сиблевран.

– Поэтому постарайся забеременеть сейчас. Своего ребенка он не бросит – ответственный. Да и эта девушка вряд ли такое простит.

Динч кивнула.

– Я постараюсь.

– Я мешать не буду, помогу, если нужно, – кивнул Зеки-фрай.

В бескорыстие Динч не верила никогда, а потому...

– Буду должна.

– Будешь, – согласился мужчина. – Иди ухаживай за своим будущим мужем... держи полотенце.

Динч одарила его благодарным взглядом и отправилась ухаживать. Помочь Лоренцо облиться водой из ведра, вытереть его полотенцем, лишний раз провести рукой по мышцам, которые змеями перекачиваются под тонкой атласной кожей... ох... как это она так... ногтями неосторожно!

Остричь их надо!

Совсем она руки за время пути запустила. Ну да ладно, еще займется. В дороге действительно не до того.

Лоренцо встряхивал угольно-черными волосами, рассыпая вокруг себя бриллиантовые капельки воды.

Динч помогала ему – и вспоминала.

На то, чтобы выходить гладиатора, у них ушло больше пятнадцати дней. Раны были не слишком серьезными, но и двигаться свободно Лоренцо не мог. Да и к чему спешить?

Лучше полежать, пока уедет Кемаль-бей, злой, как целое гнездо шершней.

Зеки-фрая он не нашел, гладиатор по кличке Ангел тоже как сквозь землю провалился. Поиски и допросы результатов не дали.

Позвали Ромео. Тот честь по чести отчитался. Да, дружил. Если это можно так назвать. Ланиста приказал приглядывать за Ангелом, я и старался. Чего еще-то больше?

Он тоже это понимал, поэтому особенно не откровенничал. Да и не принято такое в среде гладиаторов.

Парой синяков Ромео по результатам разговора обзавелся, но и только. Кемаль-бей дураком не был и понимал, что на месте Ангела поступил бы так же...

С остальными гладиаторами Лоренцо и того меньше общался.

Зеки-фрай?

Его искать было проще, о нем все и всё знали. Родня жены, его родня...

Только вот родня ланисты жила в другом городе. А родня его жены... вот не срослось. Бывает такое, когда теща свято уверена, что муж «ее кровиночку» со свету сжил. И не надо тут обманываться кажущейся беспомощностью арайских женщин. Это такие гадюки... даром что домашние! Кого угодно сожрут без гарнира!

Зятю приходиться в гости к родне супруги было ну очень неудобно. Там слушок, тут шепоток – и результат печален. С ним уже стараются и не связываться.

Вот и не знали кое-каких вещей. А Зеки-фрай был предусмотрителен. И молчал о многом. Знал он своего хозяина, и жить ему хотелось. Очень...

Бема-фрайя?

Про нее Кемаль-бей тоже узнал. Только вот связываться не захотел.

Женщины... они опасные и сами по себе, а уж тут... она, кстати, тоже искала Ангела. Хотя и с другой целью.

Если он свободен...

Динч была в курсе планов хозяйки. А именно – Беме не хватало в охрану... ну, читай, в постоянные любовники именно такого красавца. Но Динч это решительно не устраивало. Ищи себе кого другого, хозяйка, а этот – МОЙ!

Личный и неприкосновенный! И не отдам!

Немного люди Кемаль-бея последили за домом Бемы-фрайи, но массажистку ни они, ни их хозяин, ни сама Бема в расчет не приняли. Такой вот провал на ровном месте.

Рабыня же!

Что она может?

Чего она там хочет, кого это интересуется? Да никого! Плевать на нее три раза... мнет она спины, вот и пусть мнет.

А Динч тем временем готовила побег. Пока Зеки-фрай не мог покойно перемещаться по Ваффе, она нашла и скотину, и одежду, и даже план разработала.

Лицо у нее подходящее, телосложение тоже – такое... костлявое. А вот Зеки-фрай – кругленький, невысокий... уютный такой. Поэтому...

Будет семья!

Отец с лицом потомственной рыбы, мать в чадре – и двое детей.

А вот Лоренцо придется выбираться самостоятельно. Но с этим он справится, Динч знала, где можно перелезть через стену Ваффы.

Контрабандисты этим лазом давно пользовались, стража давно закрывала на него глаза – ко всеобщему громадному удовольствию. Может, оставайся Кемаль-бей в Ваффе, стражники и подумали бы его перекрыть, но владелец арены уехал несолоно хлебавши, а люди остались. И контрабандисты, и стражники...

Так что Лоренцо ночью выскользнул из города, один, налегке, а утром на дороге его догнали попутчики.

Мигом перекинули вьюки с одной из лошадей (их так специально и крепили: вроде бы объемные, а на деле – и нет ничего), оседлали – и маленькая кавалькада из пяти человек двинулась по дороге.

Чтобы спустя три дня влиться в караван почтеннейшего Мехмед-фрая.

Стоило это достаточно дорого – серебряный в день с человека, три медяка со скота, – но все было предусмотрено.

Охрана – более чем достаточно.

Горячая пища за счет Мехмед-фрая, три раза в день. С утра, конечно, каша, хлеб, сыр – ничего сложного. В обед простой перекус – готовить-то, считай, и негде, – а вот вечером, на привале, там уж по полной. И мясо, и суп, и печево какое...

Хватало всем, кормили вкусно и обильно, хотя и достаточно дешево, скотине хватало и овса, и сена, за ней тоже был присмотр... проще уж заплатить – и двигаться вместе со всеми.

Теперь уже никто ничего не изображал.

Зеки-фрай на всякий случай отрастил бороду и изобразил на лице несколько бородавок. Чтобы не приглядывались.

Так-то мы людей рассматриваем, а вот бородавка или шрам – они на себя внимание отвлекают. Их в первую очередь видят, остальное как бы проходит мимо глаз...

Мальчишек обрили налысо – оказывается, очень меняет внешний вид. Да и кто там к ним присматривается?

Динч...

Тут было проще всего. Чадра – и точка. А уж что под ней... вот не принято здесь заглядывать под чадру к женщине, за такое и убить могут. И убивают.

Будет ли Бема-фрайя искать беглянку?

Кто ж ее знает?

На всякий случай перед побегом Динч несколько дней «ревела в подушку» – табака не пожалела, чтобы глаза покраснели, а лицо опухло.

А потом оттащила на берег свою одежду, ну и предсмертную записку оставила.

Не могу жить в рабстве, лучше умереть...

Вопрос дискуссионный, но не она первая, не она последняя. Бывало и такое.

И, забегая вперед, Бема-фрайя ее не искала. Ну умерла! И что? Массажистку найти всегда можно – и такую, и лучшую. Умерла – и ладно. Вот Лоренцо...

Ах, Ангел!

Но его-то как раз Бема-фрайя найти и не сумела.

Самого Лоренцо, кстати, перекрасили в темный цвет. Взяли басму, наложили погуще... пару раз черный выходил с зеленоватым отливом, потом получили-таки каштановый.

Все тело тоже пришлось с ней вымыть. Дорога же!

Как-то интересно получится: на голове волосы темные, а там... да, именно там – светлые? Так не бывает! Ладно еще, мужчина блондин, а борода рыжая. Это видели, это случается. Но вот такие «черно-белые»? Не-ет... такого в природе точно не растет. Так что Лоренцо был вымыт с хной, потом с басмой – в результате чего приобрел своеобразный, но явно смуглый оттенок кожи и темный цвет растительности на всем теле.

Сейчас он мог спокойно мыться, справлять малую нужду – и не думать, что его разоблачат... правда, на ближайшем постоялом дворе обработку придется повторить.

Блондинов в Араيه мало. Вообще практически нет, почему-то даже если привозят наложниц-блондинок, то дети от них получаются черноглазые и черноволосые, смуглые и с характерным арайским разрезом глаз. Сильная кровь – говорят местные жители.

И платят громадные деньги за рабов со светлыми волосами.

Ангела точно не пропустили бы, именно по этой примете. А сейчас...

Самый обычный мужчина: волосы темные, глаза... карие глаза как раз в Араيه встречаются. Обычно темно-карие, но и такие, как у Лоренцо, – тоже не редкость. Бывает...

Это в сочетании со светлыми волосами они эффектно смотрятся, а когда волосы темные, кожа смуглая – всем всё ясно. Ничего необыкновенного.

И вот уже вторую декаду караван двигался в сторону гор.

Осуществить свой план Динч решила только сегодня.

Сначала она расспрашивала Лоренцо о нем самом, о семье, о планах на жизнь. Услышала про Адриенну СибЛевран, увидела подвеску в виде ворона – ух, как же она разозлилась!

Это ЕЕ мужчина! Личный!

А тут какая-то фря титулованная... да как он смел!?

Как она смела?!

Мысль о том, что вообще-то Лоренцо и Адриенна друг друга полюбили, когда Динч и рядом не было, в голову «умной рыбке» не приходила. Она уже рассчитывала на Лоренцо, она уже включила его в свои планы. И отдавать просто так?!

Вот еще не хватало!

Пару дней она поплакала в подушку, а потом и решила.

Если Лоренцо кого и не бросит, это мать своего ребенка. Он добрый, он ответственный, заботливый... в самом худшем случае ей снимут дом и будут навещать. Он ведь не жестокий, ее Ангел. И отобрать ребенка у матери... нет, у него просто рука не поднимется!

Динч сумеет на этом сыграть.

А может, и клин вбить между Лоренцо и его невестой... Ну что там свистушки в пятнадцать лет понимают?! У них же все на эмоциях...

Любовь – обман – предательство – ненависть, и все это в истерике, и все это навечно... а она, Динч, умная и опытная, она много чего нахваталась, пока в гареме жила, она обязана справиться. Она борется за достойную жизнь для себя и своих детей. Она же достойна!

Вопрос, почему достойна именно она, ей тоже в голову не приходил. Даже и мимо не пролетал: наверное, испугался, что скушают, как рыбка – комарика. Ам – и крылышек не останется.

И вот сегодня...

Она решила. И теперь робко подошла к Лоренцо, протягивая полотенце. Мужчина принял его и улыбнулся. Динч под чадрой перевела дух.

Все. Если не сердится, значит, потом и поймет, и осознает, и полюбит... и вообще!

Никуда мужчина не денется от умной женщины, если та захочет.

Что, у мужчины тоже есть ум?

А вот это не всегда доходит даже до самой умной женщины. За что она и огребает по умной-то головушке. Динч пока тоже была в неведении. А вот как оно будет дальше... кто знает?

Пока караван шел к горам.

Лоренцо понимал, что это небыстро, что дома он окажется хорошо если к осени, но хоть так! Раньше и надежды на это не было! Домой... он двигался домой.

Адриенна

В этот раз дану Сиблевран столица встречала пасмурной погодой и морозящим противным дождичком. Таким унылым и жутко тоскливым.

Да-да, аккурат под стать настроению самой Адриенны.

А чему тут радоваться?

Она... у нее отнимают не то что моменты счастья – даже иллюзию свободы! И что будет теперь – бог весть.

Но столица столицей, а вот встреча была организована достаточно торжественно.

Если прошлый раз ее не встречал никто, то сейчас его величество решил отправить навстречу Адриенне кортеж во главе с кардиналом Санторо.

Адриенна смотрела на него в полном шоке.

Музыканты, придворные, всадники, которые осыпают кортеж лепестками роз, куча цветов...

И – она.

Они...

Ладно еще, их заранее предупредили, и Адриенна успела привести себя в порядок. Кое-как умылась от дорожной пыли еще на стоянке и переделалась в черное с серебром.

Нет, это не вызов.

Но... вы же хотели Сибеллина?

Вот и получите! А что пораньше? И такое бывает... это не я к вам рвалась, это вы меня вызвали.

Да и...

Погода такая... выглядеть мокрохвостой кошкой Адриенне не хотелось, а на черной ткани практически не видно пятен. И ей этот цвет к лицу, она знает.

Кардинал спешился, поклонился ей и улыбнулся.

Прошлый раз он смотрел на Адриенну, как на мыш, которая упала в кастрюлю с супом, а сейчас?

Как-то странно... может, у него зубы болят? Но спрашивать Адриенна не стала. Вежливо спешилась и поздоровалась.

Кажется, все-таки зубы. А может, и печень.

И чего он так смотрит? Точно... зубы.

* * *

Кардинал Санторо ждал чего угодно.

Он преотлично помнил дерзкую девчонку, которая смотрела невероятными синими глазами и даже не думала его бояться. Помнил... так, смутно.

Особенно там ничего интересного и не было, кроме глаз и смелости.

Видели вы вороньего слетка?

Уже не птенец, но и не красивая мощная птица. Так... непонятное нечто. Ни на землю, ни в воздух... не разбери-поймешь... страшенькое и растрепанное.

А вот сейчас...

Как-то оно само собой так получилось.

Кортеж двигался навстречу дане СибЛевран. Холмистая местность, солнце... они как раз были у подножия холма, а Адриенна со свитой выехала на холм и принялась спускаться вниз.

Пасмурно, и серо, и хмарно, и на долю секунды кардиналу черный плащ Адриенны показался черными крыльями прабабки за ее спиной.

Моргана Чернокрылая...

И словно острым клинком рассекает непогоду.

И лицо у нее такое...

Есть песня о древних стражах, которые выезжают из холмов, объезжают края, в которых рождены, и каждое утро возвращаются обратно. Даже из могилы они берегут родную землю.

Вот на долю секунды и Адриенна показалась ему таким же стражем.

Холодное спокойное лицо.

Равнодушие ледяного клинка. А потом... хватило всего секунды.

Солнце на какую-то долю минуты прорвалось сквозь тучи, ударило ей в лицо, но девушка не зажмурилась, как ее спутники, не отвернулась... она смотрела громадными глазами вперед, прямо на огненный диск в вышине, и улыбалась.

И была такой...

Нет, это не красота. Это нечто большее... Высокий Род?

Это – Чудо!

Где можно найти такого художника, который запечатлеет это на холсте? Или хотя бы изваяет в мраморе?

Нет, нереально...

И реальна ли она сама? Или это фантом, созданный из ключев тумана и сияния солнечных лучей?

Кто бы сказал кардиналу, что он будет поэтом? Смеялся бы Анджело Санторо долго и со вкусом. Но вот сейчас...

Сейчас он смотрел на девушку, которая стояла рядом с ним и была на голову ниже, и слов найти не мог. Выручила сама Адриенна. Как привыкла с падре Санто, она попросту подошла под благословение. А уж по заученному и у кардинала разум включился.

– Да благословит тебя Бог, чадо... его величество приказал встретить вас, дана СибЛевран, и доставить к нему.

– И вот это... – Адриенна не стала показывать пальцем, она же дана! Не быдло какое... ей и взгляда хватило. Более чем красноречивого.

– Дана, вы будущая королева. А я буду венчать вас и его высочество. Все естественно... давайте я помогу вам сесть в седло.

– Уместно ли это? Вы кардинал...

– Но я ведь и мужчина? – решил напомнить дан Санторо. А вдруг собеседница не заметила...

– Вам точно не будет тяжело?

Дан едва зубами не скрипнул.

Нет, ну что такое-то?! И ведь не издевается ни на минуту, она абсолютно серьезно о нем... заботится?

Пожалуй, что да!

Сначала о его статусе, теперь о возрасте... да ему всего-то тридцать пять! Он мужчина в самом расцвете сил и возможностей! И дети у него есть... ладно, незаконные, но признанные, и он о них заботится! А эта девчонка...

– Прошу вас, дана...

Кардинал легко подсадил Адриенну в седло, взлетел на своего коня, едва коснувшись стремени, – да, вот он как может! Смотри!

Восхищайся! Что – опять мимо?

Получалось, что да. Дана Сиблевран смотрела на кардинала так... даже не на самого кардинала, а мимо него. Сквозь него. И даже улыбалась так... равнодушно. Протокольной улыбкой.

Если чего-то и не хватало, чтобы «добить» мужчину, так это было именно оно.

Даже эданна Вилеци не оставалась равнодушна к его обаянию! А тут...

Кардинал ощутил, что внутри его возникло и стихийно разрастается какое-то чувство. Причем он-то этого вовсе никак не планировал! Вот совершенно!

Но...

Восхищение красотой девушки, и ее спокойствие и равнодушие, и его желание произвести впечатление... любовь и не с таких вещей начиналась! Она вообще не спрашивает, просто приходит, располагается поудобнее и просит: «Нацедите-ка мне пару литров кровушки, а я тут пока посижу, посмотрю».

Вот и пришла... любоваться. А кардинал Санторо только и мог, что зубами заскрипеть.

А вот как тут быть?

Что тут сделаешь?

Хотя... сделать-то он как раз и мог. Очень, очень многое. И собирался... планы придется менять на ходу, но, как истинный политик и служитель матери Церкви, кардинал никогда не ограничивался одним планом. Так что...

Где там этой девочке устоять! И не такие крепости сдавались!

* * *

Адриенна ехала по столице.

Интересно, где здесь дом Лаццо?

Мия написала ей и предупредила, что вынуждена уехать. Она вернется, обязательно вернется, а пока, если Адриенна сможет, пусть проследит за ее сестрами. И Лоренцо, она верит, жив...

Обстоятельства побега Мия тоже скрывать не стала.

И Адриенна собиралась поговорить с королем.

Посмотрит, конечно, как его величество себя чувствует, как выглядит, а там...

Посмотрит, ага...

Планы – это прекрасно, но не одному ж кардиналу удивляться? И не одному кардиналу чувствовать себя идиотом...

Адриенна себя так и почувствовала, глядя на Филиппо Третьего.

Желтого, словно его под лимон покрасили, какого-то высохшего и словно осевшего вниз, одутловатого, несмотря на худобу, страшного, с запавшими глазами и щеками...

В их прошлую встречу это был вполне себе молодежавый мужчина, который выглядел не хуже ее отца.

А сейчас?

Адриенна даже принюхиваться не стала. Она и так могла сказать, что королю осталось недолго.

Месяц?

Нет, пожалуй, побольше. Может, месяца три или четыре... уж точно не больше полугода.

Есть такое... Адриенна отлично видела вдаль, могла смотреть на солнце часами и не шуриться потом от зеленых кругов в глазах, а теперь еще и запахи добавились.

Как пахнет смерть?

Гленом и могильной землей. Такой очень характерный и специфический запах, который нельзя описать, можно только ощутить. Почувствовать...

И тогда его уже ничем замаскировать нельзя. Он пробьется сквозь любые благовония, сквозь любые ароматы... скрыть свое потрясение Адриенна не смогла.

Его величество улыбнулся краешками губ.

– Добро пожаловать, дана.

– Ваше величество, – поклонилась Адриенна.

Филиппо остановил ее ласковым движением руки.

– Нет-нет, дана, не надо. Мы скоро будем одной семьей... вот и мой сын, кстати говоря.

Адриенна промолчала.

Желание сына быть с ней «одной семьей» тоже сомнению не подвергалось. И пахло от него любимыми духами эданны Вилеци, та своих вкусов не поменяла. И лицо у принца было мрачное.

Но поклонился Адриенне он честь по чести. И дана ответила глубоким реверансом.

– Ваше высочество...

– Дана Сиблевран...

Его величество подхватил под руки и сына, и будущую дочь и без церемоний развернулся в сторону замка, увлекая их за собой.

Адриенна привычно нашла взглядом Воронью башню.

И улыбнулась, несмотря на то что щемило сердце.

Вороны вились над ней, как и всегда.

Кричали... они были рады ее приезду. Они – и Моргана.

Но Моргана не могла, а вот вороны приветствовали свою хозяйку.

Ты дома... ты здесь... ты вернулась.

Адриенна готова была поклясться, что они говорят именно об этом. И... будь ее воля, туда бы она сейчас и отправилась. Уселась рядом с башней, прильнула к грубым серым камням, погладила их...

Пришла к Моргане...

Все она понимала. И что прабабка втравила ее в эту историю. И что Адриенна сейчас фактически платит за чужие грехи. Но и сердиться на Моргану она не могла.

И на Филиппо Третьего – тоже...

Можно ли злиться на того, кто умирает?

Можно, конечно. Смерть ведь не делает человека из сволочи, кто мерзавцем был – таким и уберется на тот свет. Только вот именно здесь и сейчас Адриенна не могла злиться. Не получалось...

В своем кабинете Филиппо Третий привычно опустился в кресло, кивнул молодым людям – мол, садитесь. Адриенна послушалась, Филиппо Четвертый отошел к стене и встал рядом с ней.

Не протест.

Но выражение... скорее, своей позиции. Или правильно сказать – позиции эданны Вилеци?

Филиппо Третий оценил.

– Сынок, ты не дашь мне несколько минут поговорить с невесткой? Наедине?

Его высочество скрипнул зубами – и согласился. И чего они так зубами скрипят? Может, тут двор заражен глистами? Адриенна решила на всякий случай выпить отвар... кто их знает?

Филиппо-младший вышел из кабинета в сад, а Адриенна посмотрела на короля.

– Ваше величество?

Филиппо Третий улыбнулся ей. А глаза были все такими же. Жесткими, холодными, внимательными.

– Вы и сами все поняли, Адриенна. Я умираю...

– Я вижу, ваше величество, – согласилась Риен. А чего тут удивляться?

К немалому ужасу власть имущих, иногда они осознают, что смертны. А иногда и внезапно смертны... и кишки у них такие же, и кровь идет... невероятное открытие, но факт!

– Не будете меня утешать, Риен?

– Нет, ва...

– Называйте просто Филиппо, Риен. Все же мы скоро будем одной семьей...

– Именно поэтому? – просто спросила Адриенна.

– Да. Я не знаю, как поступит мой сын после моей смерти, Риен. Может быть, он женится на вас. А может, и нет. Эданна Вилецци... да вы и сами все понимаете.

– Ваш сын ее любит.

– Он – да. А вот она... – поморщился Филиппо Третий. – Ну да ладно. Я приказал отослать ее от двора. Наведываться сын к ней все равно будет, но какое-то время я вам дам. Вы сможете попробовать наладить отношения.

Адриенна скромно промолчала. Хотя вопрос: «Какого черта?!» у нее не то что на языке крутился, он прямо-таки дорогу себе просверливал сквозь стиснутые зубы. Ее в это втянули, и она же должна стараться?!

Да она с огромным удовольствием уберется к себе, в СибЛевран... потому как его высочество, похоже, собирается опять дуться и страдать!

Вот что за люди!?

Есть «хочу». А есть – «надо».

Они практически никогда не совпадают, так уж получается. Но люди умеют как-то примирять себя с хотелками, потому что живут в обществе.

Хочешь ты бриллианты?

Поди заработай и купи!

Хочешь огнять? Тогда прости, есть законы... их надо соблюдать, а не хотеть или еще что-то...

Это правильно и логично. Но почему никто этого не объяснил его высочеству? Просто – почему?!

Кажется, все это было так явно написано на лице у даны, что Филиппо Третий даже чуточку изумился.

– Дана, вы...

– Я сделаю то, что должна, ваше величество, – бесцветным тоном отозвалась Адриенна.

– Это выгодно и вам. Вы станете королевой...

Королевой...

Игрушкой на троне.

Куклой в жестоких руках...

Единственное, что держало Адриенну... Да в гробу она видела ту власть! А его величество явно считал, что это перевешивает все остальное! Адриенна просто не хотела обрекать на муки и смерть своих собственных детей!

Она понимала, что, пока не родится потомок, который будет нести в себе кровь обоих родов, она обречена. Увы... только вот к чему об этом знать Филиппо Третьему?

Адриенна поглядела ему прямо в глаза.

Змея и птица – кто сильнее?

Есть и такие птички, которые преотлично закусят даже самой ядовитой змеей. И не поперхнутся. Но и змея змее рознь...

– Ваше величество, нам не оставили выбора. Уже давно... я выполню свой долг. И надеюсь, его высочество тоже понимает, в чем он состоит.

А вот это уже не в бровь, а в глаз.

Понимает?

Да как бы сказать... Понимает, но не желает, не принимает, не хочет, не любит... и позволяет себе все это показывать. Хотя его величество регулярно прорабатывал отпрыска с песочком.

Видимо – не с тем. Или не так... упрямство у сына, увы, тоже фамильное. Эрвлиновское. Филиппо Третий вздохнул, прикрыл лицо руками.

– Вы меня ненавидите, Риен?

Адриенна прислушалась к себе.

Ненависти не было. Поэтому она качнула головой.

– Нет, ваше величество. Я не могу вас ненавидеть... не знаю почему, но не могу. Хотя и стоило бы. Вы с моего рождения распланировали мою жизнь, вы все решили за меня, а я все равно не могу возненавидеть. Странно, правда?

– Нет, Риен. Когда-то колесо ненависти должно остановиться. Обязано. Или оно раздавит даже солнце.

– Может быть, ваше величество. Может быть...

– Может, вам на роду и написано закончить эту страшную вражду, Адриенна. Столько лет, столько смертей, столько людей...

Адриенна в герою совершенно не рвалась. Только вот... выбора снова не было.

– Ваше величество, я пойду попробую поговорить с вашим сыном?

– Идите, Риен. И подумайте, что я могу подарить вам на свадьбу.

Адриенна подняла брови, и Филиппо улыбнулся.

– Я уверен, что вам не нужны бриллианты. Это слишком дешево для вас...

Девушке оставалось только вздохнуть. И неожиданно для себя...

– Ваше величество, мне жаль, что я выхожу замуж не за вас. Мы бы смогли понять друг друга.

И такой же неожиданный ответный взгляд темных глаз.

Лукавый... и искренний. На пороге смерти даже змеинные глаза иногда могут становиться человеческими.

– Вы не поверите, Адриенна, но сейчас я тоже об этом сожалею.

И девушка вышла из кабинета.

* * *

Дежавю?

Адриенна просто не знала этого слова, не то обязательно употребила бы. Кажется, это было, это уже было... И даже взгляд все тот же, раздраженный, недовольный...

– Вы уже поговорили с моим отцом, дана?

Адриенна кивнула.

– Какие у вас планы на мой счет, ваше высочество?

– Планы... разве у меня могут быть планы? Готовьтесь к свадьбе, дана, вот и все...

– А потом?

– Потом вы будете мне рожать детей. Много...

Адриенна вздохнула.

– Ваше высочество, вы забыли. Если я забеременею до семнадцати лет, я просто могу умереть.

– Забыл, – честно сознался Филиппо. – Но это уже детали. Брак мы заключим, брак мы консумируем, чтобы его никто не оспорил, а потом... потом будете жить при дворе. Повторим, когда вам исполнится семнадцать, – и так до зачатия ребенка. Потом второго и третьего.

«Прекрасные» перспективы!

Адриенна едва удержалась, чтобы не заскрипеть зубами... так, отвар можно не пить, она поняла, отчего тут все... Скрипят.

– Эданна Вилецци будет третьей в нашей постели? Или вы просто будете ее посещать?

– Полагаю, что это не ваше дело, моя дражайшая будущая супруга, – процедил его высочество. – И откуда у вас вообще такие сведения?

– От эданны Сусанны Манчини, – злорадно сказала Адриенна. – Лишившись сына, она выпивала и начинала болтать о том, что эданна Вилецци любит и мужчин, и женщин. Пару раз даже эданна Сусанна...

– Молчи!

Его высочество оказался рядом с Адриенной, схватил ее за плечи и тряхнул.

– Молчи, дрянь!

Адриенна кивнула.

– Суть наших отношений я поняла. Благодарю, ваше высочество.

– Чтоб тебя черти взяли!

Принц оттолкнул девушку подальше от себя и почти бросился из сада. Адриенна вздохнула, прошла по дорожке, коснулась виноградного листа...

М-да. Вот и поговорили.

С другой стороны, а чего она ожидала, если сознательно провоцировала влюбленного дурачка? Говорить можно что угодно, а вот сейчас... сейчас она видела, насколько он любит эту гадину.

Любит.

До безумия.

Принц может говорить что угодно, и клясться он ей будет тоже в чем угодно. Но... до первого жеста эданны Вилецци.

Стоит королю умереть, и эта гадина приползет в столицу.

Стоит Филиппо Третьему даже просто слечь, выпустить бразды правления из своих рук... А еще принц достаточно несдержан, не умеет себя контролировать, не способен осознать свою выгоду...

Осознать-то способен. А вот сделать так, чтобы выгода не удрала с диким визгом...

Э, нет!

Это для него уже слишком сложная задача. Он уверен, что все будет его, просто потому что он – принц. Ну, король...

А вот что с этим делать самой Адриенне?

Что ждет ее в таком раскладе?

Ответ прост.

Ничего, кроме больших проблем. А вот как их нивелировать...

Адриенна покусала ноготь. На тропинку перед ней опустился крупный ворон.

– Кар-р-р-р-р!

– Моргана? – безошибочно угадала Адриенна.

– Кар-р-р-р!

– Она меня хочет видеть?

– Кар-р-р-р!!!

– Я тоже буду рада с ней повидаться. Этой же ночью. Я постараюсь прийти... Если не получится, то на следующую ночь.

– Кар-р-р!

И провалиться Адриенне было на этом самом месте, если ворон не сказал: «Я доложу»!
До чего ж умные птицы! Невероятно умные!

Потрясающие!

Моргана...

Да, прабабушка хочет ее видеть. А ведь она... минутку... Адриенна напрягла разум, вспоминая все, что читала или слышала о Моргане. Благодаря дану Рокко она знала историю, и достаточно неплохо.

Моргана правила вместе с мужем.

Правила в его отсутствие.

Правила, когда он болел...

То есть... То есть и так тоже можно?

Адриенна решительно развернулась и направилась в кабинет. Филиппо Третий встретил ее почти укоризненным взглядом, но Адриенне было на это наплевать.

– Ваше величество. Поскольку мой муж безумно влюблен в другую женщину, никогда ее не бросит и всегда будет ей потакать... я знаю, что хочу получить свадебным подарком.

Глава 2

Мия

Город Умбрайя не огорчил и не порадовал. Так, видела Мия города и симпатичнее.

Тот же Альмонте, кстати. Но там проходит торговый путь, а здесь вообще захолустье – темное, нестриженое.

На главной площади лужа, в ней две хрюшки валяются, из окна мэрии выглянул какой-то чиновник и запустил в свинюх огрызком яблока. Те и не дернулись.

Судя по королевским размерам и лужи, и свинюх, для того чтобы они пошевелились, тех яблок надо бы пару ведер высыпать. Тогда – может быть.

Церковь?

Есть и она. Маленькая, обшарпанная, замызганная вся... Вот свинтусы! Это уже о местных жителях.

Мия крепко усвоила, что храм – лицо города. Есть три места, в которые надо обязательно заглянуть, чтобы определить, какая в городе власть. Первое – мэрия. Второе – церковь. Третье – рынок.

Первые два места сразу показывают, ворует местный чиновник умеренно – или вовсе уж оборзел на своем месте, сотрудничает ли он с храмом – или не особенно...

А на рынке...

О, на рынке вам столько новостей и подробностей отсыплют, только успевай поворачиваться!

Местный мэр явно воровал. Ну наглость же! Мог бы хоть площадь гравием засыпать! Ладно, мостить мостовую и сложно, и дорого, в Энурии вообще плохо с камнем. Здесь с лесом хорошо. И почвы песчаные. Ладно-ладно, если и гравия жалко, то хоть бы на деревянные мостовые расщедрился! Здесь-то это вообще рию стоит! За десяток солиди тебе столько леса навезут – выбирать не успеешь!

Следить придется, менять регулярно...

С другой стороны, или местные жители очень тихие и ленивые, или сама местность такая... вон, помост у виселицы грязью покрыт настолько, что сразу ясно: сюда года два никто не заходил. Никого не пороли, не вешали, дерево, сразу видно, подгнившее.

Мия пожала плечами, но в мэрию заходить ей не хотелось, да и незачем. А вот в храм...

Мия коснулась заскрипевших дверей.

М-да, первое впечатление ее не обмануло. Скамейки давно бы пора обновить, да и покрасить, иконы – хоть ты заново рисуй, такие они все закопченные... перед ними мясо жарили, что ли? С чего они так потемнели?

И полы бы отмыть. Что, у них тут вода, тряпки и ведра в дефиците?

Куда мир катится!

Вот у Джакомо был друг, так он очень и очень гордился своей набожностью! Выражалась она в том, что мужчина лично, раз в декаду, мыл полы в храме. Ручками.

И никогда не забывал рассказать об этом всем окружающим!

Мия с таким трудом язык прикусывала, кто б знал! Так и тянуло поинтересоваться на тему гордыни, и вообще... может, есть в этом что-то лицемерное?

Вчера помыл полы в храме. Сегодня изменил супруге. Два раза. Завтра разорю конкурента, пусть повесится, гад... После знакомства с падре Ваккаро Мия была уверена, что настоящие верующие ТАК не думают. Но ведь полы-то он мыл?

А тут? Ни одного лицемера на весь город?

– Что ты забыл здесь, мальчик?

На скрип двери вышел местный священник. Мия вспомнила, что она путешествует сейчас в облике менестреля, сорвала шляпу и поклонилась. Достаточно низко.

– Благословите, отче...

Священник чуть расслабился. И благословил Мию вполне искренне, и улыбнулся...

Мия приглядывалась к парню. Нет, не могла она его назвать пастырем... вот как хотите! Молодой, нескладный, больше всего похожий на журавленка-переростка... и волосы растрепаны, и солидности пока не наел. Правда, добрый. Это видно. И улыбается хорошо, и вообще... сволочи с котами на руках к прихожанам не выходят. А у священника на руках сидел здоровущий черно-белый кот.

Еще и мурлыкал, когда ему грудку почесывали.

Это решило дело.

Мия улыбнулась мужчине.

– Отче, позвольте на храм пожертвовать? Немного, но авось на благие дела пойдет?

– Жертвуй, чадо, – согласился священник.

– Только просьба у меня будет малая...

– Слушаю тебя, чадо?

– Я бы и сам купил ему вкусенького, – Мия указала на кота, который потянулся и зевнул во всю здоровущую клыкастую пасть, – но не знал. Может, вы ему от моего имени рыбки купите?

В руки священника перешел приятно звякнувший мешочек. Мия туда уложила несколько серебряных дариив и пару десятков сольди.

Мужчина принял дар и покачал головой.

– Куплю, конечно. Но... ты ведь и сам небогат, чадо.

– Меня Мио зовут, отче.

– А меня можешь называть отец Адольфо...

– Спасибо. А почесать вашего красавца можно? Как его зовут?

– Мэр Мур. Это не мой, предыдущего священника, но отец Просперо его любил до безумия... как тут выкинуть...

– Никак, – согласилась Мия.

Кот предупреждающе прикусил ее за палец. Взгляд зеленых глаз был умным и всепонимающим.

«Ты – метаморф, – говорили кошачьи глаза. – Я это вижу, но пока не буду на тебя охотиться. Ты пришла с миром. Я потерплю, но недолго...»

Надолго Мие и не надо было.

Что-то, а разговаривать с людьми она умела. Лоренцо рядом с ней был несмышленишем, он-то сам учился, а Мию учили. Серьезно и целенаправленно.

Ремесло убийцы такое... не соберешь информацию – не поохотишься. А чтобы собрать – умей говорить с самыми разными людьми. Мия и разговаривала.

Через полчаса отец Адольфо Лупи сам принес ей церковные книги.

Мия уже знала о нем все, что могла и хотела. И о том, что он в городе совсем недавно, и что предыдущий священник, отец Просперо, долго болел, потом помер, вот... только кота оставил, теперь это кот отца Адольфо... дьявольское животное?

Вот еще!

Если кошка может на короля смотреть, то и на Бога – тоже! Он тварей живых создал, и кошка тоже Его творение! А кто говорит иначе – глупец! И его самого надо... того! В бочке со святой водой притопить, чтобы Дьявол из дурака вышел! Или хотя бы внутрь чуточку ума залилось, хоть через нос, хоть через уши.

Да, конечно, сложновато пока. Солидности никакой, паства не привыкла, кое-кто и хихикать прилаживается... это все преодолимо.

Мия кивала, поддакивала и потом уже, под конец, бросила пару слов, что ее предки тоже в этих краях жили. Вот, говорят, некая Эванджелина Бонфанти...

Слово за слово – и оказалась Мия с кучей книг. И листала их.

Медленно, вдумчиво, благодаря про себя священников с четким и разборчивым почерком.

Браки, рождения, смерти...

Ну-ка? Эванджелина Бонфанти?

Книг было много, невероятно много. Мия и не рассчитывала, что у нее что-то получится с первого раза. Дней в десять бы уложиться – уже неплохо. Мия и не расстроилась. Не повезло с первого раза? Ну так что же... она переживет! Она просто будет искать дальше и дальше...

И в Пратто съездит, поищет, и по дороге в каждый город заходить будет... Здесь храм один, и книги хранятся именно в нем...

А если в мэрию наведаться? Может, там что интересное попадетсЯ?

Мия подумала какое-то время, потом вышла из храма, потеряла виски...

Голова реально гудела. Церковные книги хоть и пишутся красивым почерком, но за столько-то времени? И чернила повыцвели, и страницы кое-где мышами поедены... да и книги еще не все!

Когда к власти пришли Эрвлины, очень многие церковные книги времен Сибеллинов были изъяты. Здорово, правда? И историю пришлось писать заново...

Правильно.

Хочешь переделать людей в свиней – начни с их памяти. Убей врага! И, не знающие ни корней, ни прошлого, люди будут только радостно хрюкать на ведро помоев в кормушке. Это логично...

Год смерти?

Тоже нет. И вообще... ничего нет. Словно и не было здесь никаких Бонфанти.

– Чего ищешь-то, дочка?

Мия подняла глаза и даже недоуменно поглядела на пожилого мужчину: лет... сколько ж ему? Древность древняя, столько и не живут, наверное...

– Эм-м-м... ньор...

– Какой я тебе ньор! Так и зови – дедушка Марио, – отмахнулся мужчина.

– Мио, – представилась Мия.

– Ишь ты... а в мое время девушки в мужских-то штанах и не ходили... тебе так надо, что ли?

Мия кивнула.

Да, надо, важно, серьезно...

– Ну ладно. Мио – так Мио. Ищешь-то кого, а?

– Бонфанти, – созналась Мия. – Эванджелину. Не слышали?

– А то как же... слышал. А для чего ищешь?

– Попросили узнать, – отрезала Мия.

– Хм, странно, что никто тебе не рассказал. Эва – она ж в нашем городке, считай, легенда... хотя кто тут что расскажет? Падре этот молод еще, а в мэрии и дела никому нет. Тут старики нужны...

Намек был понят, в пальцах Мии блеснул серебряный дарий.

Дед Марио сгреб его, уселся поудобнее на нагретое солнышком надгробие и кивнул Мие на соседнее.

– Ты присаживайся, история будет долгая...

Мия не возражала.

Долгая? Ну... послушаем, покушаем...

* * *

Семья Бонфанти жила неподалеку от Умбрайи достаточно долгое время.

Тихая и спокойная семья...

Ровно до того момента, как Лора Бонфанти выкинула с башни свою старшую дочь, схватила младенца и выпрыгнула за ней сама. В живых осталась только средняя – Эванджелина, которая где-то пряталась от матери.

Андреа Бонфанти от такой «радости» запил по-черному и в два года свел себя в могилу.

Мия подумала пару минут – и уточнила, сколько лет было старшей дочери.

Оказалось – двенадцать с хвостиком.

Что было дальше с Эванджелиной?

До двенадцати лет она жила с отцом, тихо и спокойно: он спивался, дочь пыталась привести его в чувство – ничего нового или интересного. А вот потом...

Когда Андреа умер, у девочки образовались аж три шикарные возможности.

Панель, церковь и свадьба. Правда, ни одна из них юную Эванджелину не устроила. Наверное, потому, что подвернулась четвертая. Через Умбрайю проезжала невесть какой волной занесенная сюда королева Маргарита Сибеллин.

Конечно, все сбежались посмотреть на королевский кортеж! Еще бы!

И тут случилось непредвиденное.

Кони взбесились, понесли, могли бы затоптать принца, который выпал у кормилицы... Эванджелина кинулась вперед и спасла юного тогда Лоренцо Сибеллина, рискуя собой. За что и была взята ко двору.

У Мии слов не осталось.

ПРАбабка?

А не прапрапра? Мать ничего не напутала, а?!

Помня эданну Фьюру... она могла, и еще как! Это ж бабке за сто лет было, когда она ее навещала, не иначе!

За СТО лет?!

Та-ак... расспрашиваем дальше.

И Мия превратилась в слух.

Эванджелина домой не вернулась. Сама. А вот примерно через десять лет в ее дом... Своего-то поместья у Бонфанти не было, считай: Андреа все заложил и пропил, а девочка и выкупать не стала, кому ж такое захочется... память-то какая гадкая...

Так вот. В городской дом Бонфанти вернулась кормилица и сын Эванджелины. Паоло.

Мальчик жил там, рос, как самый обычный постреленок... Эванджелина иногда приезжала, вся в шелках, в бархатах... Она была доверенным лицом королевы Маргариты Сибеллин.

И его величество Лоренцо, говорят, ей доверял.

Говорили, да...

Прошло еще десять лет.

Мальчик вырос, женился... первой у него родилась дочь. Анна Бонфанти.

Бабка приехала, посмотрела на нее – и забрала. Почти ультимативно. Уж что она нашла в малышке, кто ее знает... но это, наверное, и спасло девчущку.

О том, что Бонфанти – сторонники Сибеллинов, знали все. И когда пришли Эрвлины...

Да, именно так.

Паоло Бонфанти с женой были показательно казнены, их имущество отторгнуто в казну... Дети? Нет, малышку забрала Эванджелина, а что с ней дальше было – кто ж знает? В Умбрайю она больше не возвращалась.

Разве что дом их сгорел.

Кстати – вместе с новыми жильцами, которые активно участвовали в казни старых.

И мэр померши...

И священник...

А больше никто ничего и не знал. Вообще...

Мия искренне поблагодарила старика золотым лорином. А сама уселась в дальнем углу кладбища и принялась размышлять.

Итак... получается, что у нее выпадает одно поколение.

Про Анну Бонфанти она ничего не знает.

Мать – Фьора, бабка – Паола, кстати говоря, а вот прабабка...

Про Эванджелину Мия знала. А про Анну – нет.

Но картина пока складывалась непротиворечивая. Во всяком случае, Мия понимала, что именно произошло.

Почему она лично не едет верхом, а идет пешком?

А потому... кто-то забыл, как на метаморфов реагируют животные?

Плохо. Особенно если себя не сдерживать... Несет их. То есть кони могли понести... при условии, что Эванджелина – метаморф.

А если она была метаморфом, то, надо полагать, и ее родные... нет, не мать. Тогда не было бы истерики, и прыжка из окна не было бы...

Допустим, несчастная Лора Бонфанти увидела то же, что некогда увидела Фьора Феретти. Просто – допустим. Если девочки начинают менять внешность, уронив первую кровь... понятно?

Вполне.

Плюс младенец. То есть после родов.

Воля бы Мии, она бы на каждую беременную и недавно родившую женщину, табличку вешала.

«Опасность! Осторожно!!!»

Смешно вам?

Если бы мужчины знали, как сильно действуют на женщин беременность и роды, они бы молчали – и отползали. Сами и БЫСТРО!

Между прочим, никто не удивляется, когда добрейшая сука, оценившись, вдруг становится злее цепного пса, а злющая кошка, окотившись, приходит за лаской. А женщины – другие?

Говорить они, конечно, могут, но... далеко не всегда сами осознают, что с ними происходит. А тем не менее...

Беременность, роды... все это так бьет по мозгам (понятия «гормональный стресс» Мия просто не знала, а то бы заплотировала), что неудивителен поступок Лоры.

Просто допустим.

Она недавно родила, и вдруг ее дочь начинает меняться. Из этого что следует?

Две вещи. Первая – что в ее роду ничего такого не было, иначе она бы знала или хоть как-то предполагала... была лучше подготовлена. Как сама Мия.

У Серены, кстати, ничего такого не проявилось и не проявится. И Мие казалось, что у Джулии – тоже. И это логично вписывалось в общую версию...

Если допустить, что старшая дочь Бонфанти была метаморфом, и средняя тоже... Вот старшая не уцелела.

Средняя пошла посмотреть на королеву... и от нее взбесились животные. Запросто! И взбесились, и понесли, и что хочешь... и спасти малыша она могла.

Мия помнила себя.

Она тоже была сильнее, умнее и быстрее сверстников. Так что...

Могла.

Дальше все было логично. У нее родился сын... от кого?

Да это как раз и не важно! Что не от Сибеллина – это точно, король был еще малышом в то время. Что там лет десять – ерунда!

Итак, у нее родился сын, жил здесь... Надо полагать, мать его содержала. А вот дара у него не было? Ни как у Лоренцо, ни как у нее?

Могло быть и такое.

Почему Паоло Бонфанти не жил при дворе? Да почему угодно!

К примеру, там было опасно из-за Эванджелины и ее службы королеве, там над ним издевались, потому что он незаконнорожденный, его нельзя было представить ко двору из-за его отца... Мия подозревала, что этого никогда точно не узнает. Вплоть до того, что ему просто не нравилось в столице. Это только то, что первое пришло в голову. А вариантов может быть уйма.

Тем не менее Паоло вырос, женился...

И мать приезжает к нему. И забирает внучку.

Почему?

Ответ прост.

Если Эванджелина что-то о себе знала... если могла почувствовать метаморфа... А вдруг?

Могла? Вполне! Мия уверена, что Джулия не будет метаморфом, а если Эванджелина ЗНАЛА, что Анна будет метаморфом?

Могла она захотеть изолировать, увезти малышку от отца и матери? Которой еще невесть что в голову ударит?

Вполне могла. А уж как она это обставила... сама Мия могла бы сказать, что малышка болеет и ее надо лечить, что малышку можно отвезти ко двору, если там у короля или принца есть дети...

Опять-таки, придумать можно многое.

А там и грянуло.

Война, убийство Лоренцо Сибеллина...

И вот сюда отлично вписывается то, что Эванджелина осталась жива. Мия тоже захотела бы отомстить. Так что...

Город цел?

Какая прабабка добрая была! Это что-то! Мия бы за свою семью... Стоит только вспомнить Джакомо и Серену. Джакомо был принесен в жертву без размышлений и терзаний, стоило ему только подумать о причинении вреда Серене Феретти.

Ну да ладно. Итак, идем дальше.

Анна.

Про Анну Мия ничего не знала. Но... допустим...

Просто допустим, что Анна родилась, она была... а времена тогда были сложные. Сибеллины ушли, Эрвлины пришли... Если бабка не старалась помочь последним Сибеллинам... Да Мия себе хвост бы отгрызла по самые уши, если это не так!

Или...

Или она ничего не могла сделать, потому что у нее на руках был маленький метаморф?

А ведь могло быть и такое. Если ОБЫЧНО начиналось все это с первой кровью... могло ли начаться раньше?

Да запросто!

И начаться раньше, и... А правда, что случилось с Анной Бонфанти?

У нее явно была дочь, Паола... Вне всякого сомнения, дочь, названная в честь своего отца. Несчастливого Паоло Бонфанти. У Паолы Фьора, у Фьоры Мия... Ну, примерно сходится

по годам. Особенно если Анна родила дочку не в пятнадцать, а позже... Лет в двадцать – двадцать пять...

Могло быть и такое.

Фьора, когда упоминала о бабушке, говорила, что она – младшая дочка. И бабушка родила ее поздно, чуть ли не в тридцать лет, – ей не везло с детьми.

Или не сходится? И Мия пропустила еще одно поколение?

Но где его искать? И как его найти?

Мия даже не представляла, как ответить на этот вопрос.

Бонфанти... что ж, надо искать дедушку Марио. Пусть подскажет еще кое-что...

* * *

К большому, даже громадному сожалению Мии, дедушка Марио ее сильно разочаровал. Бонфанти были хоть и местными, но...

После того случая с несчастной Лорой... поместье свое они продали. А если у них что и было – семейные книги, Библия и прочее... – все было уничтожено. Тогда, при пожаре.

Мия только головой покачала.

Вот почему-то ей казалось, что она еще многое пропускает. И, может быть, не только несчастную Анну?

Кстати...

– А как фамилия Лоры? Той, что вышла замуж за Бонфанти?

– Диматтео. Лауренсия Диматтео.

– А они?..

– Живут неподалеку.

Мия хищно потерла руки.

«Диматтео, говорите? Эванджелина, говорите? Ну, я спокойнее, мне известность не нужна. А вот знания нужны. И я их получу».

* * *

Поместье Диматтео так живо напомнило Мие родное Феретти, что девушка аж глаза рукой потерла.

Вот один в один!

И крыша кое-где просела, и стены подновить не помешало бы, и хозяйственные постройки... м-да.

Явно здесь живут братья по разуму ее отца, земля ему пухом. Дядя, при всем сволочизме, до такого никогда не скатился бы... у него и характер был, и стремление к комфорту и уюту...

А тут что?

Мия, недолго думая, перебрала струны лютни – и те рассыпались задорным говорком.

На звуки музыки из дверей выглянула кухарка и замахала на Мию полотенцем, которое небось еще Эванджелину помнило.

– А ну пошел, пошел отсюда!

– Красавица! – возвала Мия, нещадно греша против истины (в кухарке не меньше семи пудов живого свиномыса было). – И не совестно тебе меня гнать? Я ж ничего и не прошу, разве что в тенечке передохнуть да водички попить!

– Ага-а... – Кухарка явно не собиралась доверять незнакомцу. – Сначала попить, потом пожрать, а потом и переспать! Знаем мы вас таких... а ну пошел!

Мия отметила краем глаза, что на втором этаже открылось окно – и решила пойти ва-банк. Кухарка ее все равно прогонит, а вот хозяева, может, и оставят?

– Ты б, красотка, на себя оборотилась! Или хотя бы вокруг себя! Какое переспать! Ты ж во сне повернешься, а меня потом и не отскребут...

– Ах ты... – Кухарка взвизгнула – и рванула на Мию, грозно потрясая половником.

Девушка могла бы сейчас скрутить эту клушу. Оглушить. Убить. Да что угодно бы сделала. Но вместо этого весело ударила по струнам – и принялась скакать по двору под задорную музыку. Увернулась раз, два, потом ловко свернула к колодцу, возле которого скучала себе грязная лужа. Кухарка следовала за Мией, подбадриваемая веселыми коленцами...

Мия-то увернулась.

А вот кухарка с размаху влетела в лужу, поскользнулась на влажной глине – и только чвякнуло.

Со второго этажа раздался хохот и аплодисменты.

– Эй, мальчишка!

– Мио, менестрель, к вашим услугам, благородный дан, – поклонилась Мия.

– А заходи, пожалуй что! Потешешь душеньку песней. Говоришь, тенек и водички?

– Раз уж сказал – больше и не попрошу. Но если благородные господа предложат, то и отказываться не буду, – блеснула глазами Мия.

Ответом ей был тот же самый смех – и девушка вошла в дом.

Кухарка злобно выругалась и попробовала вылезти из лужи самостоятельно. Ага, как же!

Кто не пробовал, лучше и не надо так экспериментировать. Особенно когда вешишь ты ой-ой-ой сколько. Размокшая глина – штука скользкая, и держит отлично, и плывет под пальцами...

Примерно через десять минут из лужи выползла большая глинистая черепаха. Кухарка, к восторгу всех видевших это, перевернулась на четвереньки, окончательно угваздавшись, и так поползла на кухню.

Какими словами она при этом крыла бродягу-менестреля... Мухи дохли на подлете.

Мие очень повезло, что дан Диматтео пригласил ее за свой стол. Не то кухарка бы ей точно яда подсыпала.

* * *

Дан Диматтео оказался мужчиной в годах, лет пятидесяти. И ему было здесь откровенно скучно. Дочь он замуж выдал, сын сейчас служил в гвардии, а сам дан...

Понятно, кто-то и хозяйством заниматься должен, но в этой глуши...

Рехнешься ж со скуки!

А тут такое развлечение! И поговорить, и послушать, и музыка, и песни...

Так что время все провели с пользой. Все три следующих дня.

Хорошо было дану – его развлекали по первому требованию. Бродячий менестрель оказался и отличным рассказчиком, и прекрасным слушателем, так что Патрицио Диматтео получал двойное удовольствие. Такое редко бывает, обычно поговорить люди любят, а вот послушать уже нет. А тут...

Дан соловьем разливался. И Мия слушала.

А там...

Слово за слово, подходящая песня, подходящая история... и – вот оно! Поклевка!

– В нашем роду тоже интересная история была, лет сто тому назад, – рассказывал дан. – До сих пор понять не можем, что и как... Представляешь, баба родила, а потом старшую дочь с башни выкинула и сама за ней прыгнула.

– Бабы после родов с головой не дружат, – со знанием дела поведала Мия. – Хоть такие, хоть сякие, хоть благородные... уж простите, дан, сколько видел, все одно и то же. Куда нам, бедным мужикам, деться от их капризов?

Дан Диматтео кивнул.

– Так оно, так...

Саму историю Мия уже знала. А вот о продолжении...

– Так что ты думаешь? Бабская дурь – она по наследству передается...

– Разве?

– А то ж! Точно знаю... у той Лоры одна дочка уцелела... вот у нее внучка была. Анна...

– Анна? – изобразила интерес Мия.

Дан Диматтео только рукой махнул, мол, давние дела.

– Когда Сибеллины ушли... Ладно уж, сейчас и кости истлели, чего б не посплетничать?..

– Сейчас это уже история. И Филиппо Третий правит мудро, да хранит его Господь, – перекрестилась Мия со всем возможным уважением.

Дан Диматтео покивал головой.

Но рассказать семейную историю ему хотелось.

– Так вот... когда Паоло с женой убили, его мать забрала ребенка.

Мия подняла брови, но от вопроса «А разве это не раньше получилось?» воздержалась. Понятное дело, сто лет прошло. Вы себе представляете, сколько за это время воды утекло? Тут, что год-то назад случилось, иногда не раскопаешь, а сто лет?

Очевидцы умерли, а пересказ – он и есть пересказ... с чужих слов, художественный свист...

Могло быть и так, и этак...

С одной стороны, и Эванджелина могла почуять метаморфа.

С другой... разве нормальные родители свое дитя отдадут? Да кто ж его знает, как оно там было?

– Вроде как родителей убили, девчонку бабка спасла... в последний момент из рук убийцы вырвала – говорят, там кровь потоками лилась... Анна получилась помешанной. Что-то с ней крупно не в порядке было... Эва с ней возилась, как же, единственная кровиночка, другой уж не будет...

– А разве ее не?.. – удивилась Мия.

Дан Диматтео ухмыльнулся.

– Говорят же, темнее всего – под пламенем свечи. Все думали, Эванджелина уехала, а она осталась. Тут рядом есть монастырь. Вот она и попросила убежища... а когда девчонке то ли двенадцать стукнуло, то ли еще сколько, она тоже с башни выпрыгнула. В этом самом монастыре.

– И монастырь после этого не закрыли?

– Пощипали прилично, но не закрыли. Так и стоит... монастырь Святой Франчески...

Мия поблагодарила дана Диматтео. И честно отказалась от любой оплаты ее труда. Она дана развлекала, он ей новую ниточку дал.

Монастырь Святой Франчески, говорите?

Наведаемся, куда он от нас не денется...

Спустя три дня Мия распрощалась с даном и направилась в монастырь.

Если Анна погибла, когда ей было двенадцать, – откуда взялась прабабка Мии?

Дана Эванджелина, вы свинья, а не метаморф! Вот! Совести у вас нет – никакой! Вы не могли рассказать Фьоре историю рода, чтобы Мия тут не моталась, как блоха на хвосте у бешеной собаки?

А с другой стороны...

Мия бы точно ничего не рассказала Фьоре Феретти. Так что...

Монастырь, говорите?

Ну... помолимся, сестрие...

Адриенна

Что удивительного, если молодая девушка хочет помолиться?

Даже не просто помолиться – провести ночь в храме?

Кардинал Санторо это очень одобрил (набожными управлять легче) и разрешил. И даже сказал:

– Может быть, дана СибЛевран, я составлю вам компанию в этом ночном бдении?

Адриенна, которая собиралась вовсе даже не бдеть и уж точно не в храме, качнула головой:

– Ваше высокопреосвященство, умоляю понять меня правильно и не обижаться. Потом – вполне возможно. Но здесь и сейчас мне надо побыть одной и подумать... прошу вас...

– Вы никогда не останетесь одна в храме, – мягко поправил ее кардинал. – Там всегда будет Господь. Рядом с вами...

Адриенна покивала и вечером пришла в храм. Служанку она оставила за дверями.

По приезде она сразу поинтересовалась Джованной, своей бывшей горничной. Но та сейчас не служила. Сидела дома беременная... Этот вопрос Адриенна еще обдумает. А пока...

Джованна – это потом, потом...

А вот Моргана...

Адриенна с трудом дождалась, пока за ней закроется тяжелая дверь и в замке повернется ключ.

Примерно до полуночи она тихо сидела на скамейке. Даже придремала чуток. А когда часы отзвонили полночь, встала.

Дорогу она не забыла. Нажала на плитку, коснулась глаза святого – и вступила на открывшуюся лестницу. Ей очень нужно было в подземелье.

Сейчас было уже не страшно. И даже спокойно как-то... уютно?

Да, наверное...

И вниз, вниз...

Та же округлая пещера, словно бы и не рукотворная, а сама собой возникшая в камне.

Тот же алтарь – острый, резкий, похожий своими гранями на наконечник стрелы... Адриенна приложила к нему ладонь – и снова потекла кровь.

В этот раз времени потребовалось меньше. Моргана появилась почти сразу... и она улыбалась.

– Правнучка...

– Прабабушка, – в тон ей ответила Адриенна. И улыбнулась в ответ.

– Я смотрю, кровь в тебе запела в полный голос? – Моргана одобрительно оглядывала внучку.

– Да... ты знаешь, что планирует для меня Филиппо?

– Не до конца. Расскажи сама, – попросила Моргана.

Вот уж чего Адриенне не было жалко – это рассказа. И как она жила, и что делала, и про отца, и про эданну Сусанну, и даже про зверя...

Вот про Леверранское чудовище Моргана слушала внимательнее всего. А потом даже ссутулилась как-то, вздохнула.

– Бедняга...

– Да?! – изумилась Адриенна, которая подозревала, что бедняга тут не оборотень, а того, кого он разорвал и сожрал.

– Да... что может быть печальнее одичавшего спутника?

– А подробнее можно? – попросила Адриенна.

– Конечно, – Моргана грустно улыбнулась. – Ты же не думаешь, что мы приходили в этот мир нагими и босыми? Наивными и беззащитными?

– Н-нет?

– Нет. С нами были спутники.

– Это кто?

– Это... мы называли их тысячеликими. Они могли принимать любой облик, они могли быть и людьми, и животными, по своему выбору, мужчинами и женщинами, они были помощниками и защитниками.

– Не люди?

– Сложно сказать. Я ведь тоже не совсем человек, – развела руками Моргана. – Скажем так... люди, но немножко улучшенные с помощью нашей крови.

– Расскажешь? – Адриенна смотрела на прабабку, как ребенок, который слушает волшебную сказку.

Моргана не стала разочаровывать девушку.

– Представь себе, что рядом с тобой человек... не важно, мужчина или женщина. Важно другое. Это как продолжение тебя, твой друг, близкий человек, который всегда поймет, всегда подскажет, всегда защитит и поможет... вы как две части единого целого.

– Такое тоже бывает?

– Бывает. – Моргана смотрела грустно. – Мы делились кровью и были настроены друг на друга. Как родные...

– Как любимые?

Моргана качнула головой.

– В этом еще одна трагедия. Я объясню на конкретном примере. Я пришла сюда не одна. Со мной был мой тысячеликий – Фабрицио.

– Так...

– Он мог принимать любое обличье, он был привязан ко мне кровью, он готов был защищать меня от всего мира, носить на руках, любил до безумия... собственно, он погиб, защищая меня.

– А ты его не любила?

– Как друга, как брата... но не как мужчину. И в этом было главное горе. Вместе нам было невозможно, а порознь... Мы могли жить без них, а вот они без нас – уже нет.

– Почему?

– Они зависели от нашей крови. И без нее им грозило безумие. А если они пробовали заменить нашу кровь чьей-то человеческой... тогда происходило вот то, что ты видела. Вместо человека появлялся монстр.

– Волк?

– Видимо, разум приказал телу принять именно такую форму. Мог быть и дракон, и химера, и кто угодно... полуразумные и полубезумные. Страшные в своей одержимости кровью... *нужной* кровью.

– Моей?

– Не знаю. Может, и твоя могла бы помочь. Но ДО того, как это существо попробовало чужую кровь.

– Пара капель крови – и гибель? То есть девушка оцарапалась, парень поцеловал ее царапину, слизнул кровь – и все? – удивилась Адриенна. – Гибель?

Моргана покачала головой.

– Нет. Конечно, все не так просто. Опять на примере. Мой тысячеликий попробовал мою кровь, когда нам было по пятнадцать лет. ДО совершеннолетия. И его, и моего. Произошло запечатление, и чужая кровь на него больше не действовала. Хотя ведрами ее пить все равно не стоило бы.

- Так... – задумалась Адриенна. – А если после совершеннолетия?
- Для мужчин до двадцати пяти лет. Для женщин до зачатия и рождения ребенка. Как только женщина затяжелела – все. Кровь уже не подействует, запечатления не будет.
- И – безумие?
- Не обязательно. Живи спокойно, главное – не употребляй человеческую кровь. Вот и все... И можешь прожить долго и счастливо...
- Ага, – сообразила Адриенна. – а если попробовать чужую кровь ДО запечатления?
- Зависит от ее количества. Можно и сойти с ума, а можно и не сойти. Как повезет.
- Понятно. А в чем была трагедия?
- Тысячеликие любили нас, мы – их, но детей у нас быть не могло. Это... было невозможно. Наша кровь выжигала их, вот и все.
- Ох-х-х, – сообразила Адриенна.
- Брак?
- Запросто. Но что страшнее? Обречь любимого человека на бесплодие – или себя на его (ее?) неверность? И так больно, и этак...
- Поняла? Кровь тянула нас друг к другу, но – и только. А дальше... дальше – пустота, – горько улыбнулась Моргана.
- И уйти больно, и остаться невыносимо.
- Именно. И еще... мы-то без тысячеликих выжить могли. А им позарез была нужна наша кровь. Так уж было задумано.
- Кем?
- Я тоже не все знала, – развела руками Моргана. – Я была еще девчонкой, для меня логично было, что так есть, и было, и будет... когда я ушла к вам, сюда. И мой Фабрицио вместе со мной. И... он погиб, а я осталась. И встретила свою любовь. Настоящую...
- Смертную, – вздохнула Адриенна.
- Лучше прожить сто лет вместе, чем тысячу лет, не зная счастья, – отрезала Моргана. – Ты уж мне поверь, я бы и дня из своих не отдала. Ни единого!
- Выглядела она так, что Адриенна поверила.
- И принялась рассказывать о том, о чем не хотела.
- Мия... ее зовут Мия Феретти...
- Моргана внимательно слушала. А потом подвела итог:
- Да... ты права. Она той же крови. И этот ее брат... даже если запечатление проходило с кем-то другим – а такое вполне может быть, я ведь не единственная в этом мире, – их могло потянуть к тебе. Сколько уж лет прошло, сколько раз смешивалась кровь...
- Адриенна кивнула.
- То есть я могу просто дать им потом свою кровь – и они будут защищены от безумия?
- Да.
- Но... совместных детей у нас с Лоренцо быть не может?
- Моргана лукаво прищурилась.
- А вот тут – не знаю. Понимаешь, мы ведь видели все... Скажем, огонь и вода не могут существовать вместе. Но свеча-то может гореть в тумане?
- Адриенна подумала и сообразила.
- Вы хотите сказать, что из-за разбавленной крови...
- Может быть и так, и этак. Не стану тебя обнадеживать, но вполне возможно, что на вас бы это не сработало. Жаль, проверить не получится.
- Но Лоренцо жив.
- А ты откуда это знаешь? Ну-ка, подробнее?
- Тебе бы, прабабушка, в дознаватели, – огрызнулась Адриенна. Но про свои сны рассказала. Хотя и задумалась о времени. Сколько она уже тут? Ее не хватятся?

- Все в порядке, – развеяла ее сомнения Моргана. – Еще и вторые петухи не пропели¹. Про сны Моргана выслушала внимательно. И подвела итог:
- Вполне возможно, что вы с Лоренцо Феретти запечатлели друг друга.
- Но... такого не могло быть!
- Неужели? А если подумать, по минутам вспомнить все ваши встречи, разобраться... Адриенна побледнела. Потом покраснела. Вспомнила, как на них напали в переулке. А ведь могло... могло тогда быть...
- Но...
- Да, скорее всего, у вас произошло запечатление. – Моргана читала по лицу правнучки, как по пергаменту. – Не переживай, это ни на что не повлияет.
- То есть... я его не люблю? А он меня?
- Призрак только головой покачал. Вот ведь... дети!
- Почему ты сразу думаешь о самом плохом? Потянуло вас друг к другу, потому что кровь позвала – и кровь откликнулась. Но вы ведь не животные! Вы – люди. И я готова спорить, что ваши чувства возникли ДО запечатления.
- Адриенна кивнула.
- Да, и это тоже верно.
- Не думай о себе самой плохо. Допустим – просто допустим, – что Феретти позвала к тебе кровь. Но ты-то от нее не зависишь!
- А если бы я его кровь попробовала?
- А как иначе? Ты – ему, он – тебе... даже не сомневайся. Так и происходит. Но никакая магия не может повлиять на чувства.
- А приворот?
- Это не магия. – Моргана выглядела откровенно... брезгливой, вот сейчас плюнет. – Это грязь... она пачкает и того, кто делает, и того, с кем проделано... и на нас, кстати, не подействует.
- Хоть это хорошо. А вот что мне делать с его высочеством?
- То, что ты уже сделала, – даже не стала сомневаться Моргана. – Все правильно, все в порядке.
- В порядке?
- Ты изначально знала, что у него есть другая женщина. Что вас связала не любовь, а проклятие. Найди того, кто будет за это благодарен?
- Но мне-то тоже это не нравится! И не нужно...
- Моргана качнула головой.
- Правильно. Только вот есть люди, которые твердо уверены, что власть искупает все. С их точки зрения, тебе незаслуженно повезло – ты же получаешь корону!
- Им бы такое везение!
- Моргана прислушалась к чему-то.
- Пропели вторые петухи. Тебе пора уходить, девочка.
- Я могу вернуться?
- В любую минуту. Прошу – будь осторожнее. Двор – это корзина ядовитых змей. Очень злых и активных...
- Адриенна горько усмехнулась. Вот в этом она и не сомневалась.
- Попрощалась и отправилась прочь из зала.
- Что ж.
- Особой ясности Моргана не внесла, помочь она ничем не может. Но хотя бы про Феретти все ясно. Они... Хм, а как к этому отнесется Мия?

¹ Первые петухи поют около полуночи, вторые во втором часу ночи, третьи – в четыре часа утра (прим. авт.).

Адриенна уже закрыла за собой дверь и опустилась на колени. Пусть пока так...

Ей очень ярко представилось, как она рассказывает эту историю подруге. Мол, ты не совсем человек, это потому, что такие, как вы, должны стать охраной и защитой для таких, как я.

Здорово?

Даже замечательно.

Главное, чтобы у подруги в этот момент в руках ничего тяжелого не оказалось. А то получит ее будущее величество по умной головушке... раз десять. Или двадцать.

А что тут сделаешь?

Адриенна плюнула на все и принялась молиться. Все равно ничего хорошего в голову не лезло, а до утра о всякой гадости думать...

Ох, прабабушка... вроде и сердиться на тебя не за что. Но как же это... сложно! И как неудобно!

– Господи милосердный...

* * *

Именно такой Адриенну и увидел кардинал Санторо.

Да и его высочество, хоть и выглядел недовольным...

– Молится?

– Да.

Бледное лицо почти светилось в полумраке часовни, черное с серебром покрывало оттеняло черные же волосы, громадные синие глаза смотрели – куда?

– Что вы надеялись увидеть, ваше высочество?

Принц сморщился.

Что-что... да хоть что бы!

Его величество сегодня хорошенько проработал сына с песочком, напоминая, что это – единственный шанс. И нечего его так по-глупому упускать.

Принц все понимал. Кроме...

Вот как так получается? Вроде бы он с отцом согласен, и понимает все, и принимает, а потом... потом его словно бес какой под локоть толкает! И все начинается снова!

Подумать, что эданна Ческа знает его вдоль и поперек и ей-то как раз ссора между ним и невестой выгодна... ладно. Допустить он это мог!

Но она ж ничего такого не говорила!

Вот правда-правда... мысль о том, что умная женщина никогда и ничего не скажет напрямую, но всегда вложит в голову мужчине нужные мысли, к нему как раз и не приходила. Слишком уж много эданна Франческа вкладывала, для посторонних мыслей места и не оставалось...

– Не знаю. Она не казалась мне набожной.

– Может быть, вам к ней спуститься? Совместная молитва сближает...

Его высочество качнул головой.

– Нет. Пойду спать... спасибо, кардинал.

– Я был рад помочь, ваше высочество.

Кардинал Санторо отлично помнил, что на смену королю всегда приходит принц. И стелил соломку заранее, так что его высочество твердо был уверен: кардинал ему друг. Хороший.

Может, даже и настоящий.

Просто занудный он очень... ну что такое? На охоту не вытащишь, по бабам с ним не пойдешь, на пирушке ему сложно... сан не позволяет...

Но это ведь мелочи? Конечно! Настоящая дружба на такое внимания не обращает! И вот сегодня: стоило принцу только намекнуть, что хотелось бы посмотреть, как там его невеста молится, и кардинал тут же согласился провести его в часовню потайным ходом.

Адриенна серьезно рисковала. Если бы мужчины узрели пустую часовню, а потом и то, как она появляется из подземного хода...

Хотя – нет. Риск был в пределах допустимого. Моргана почуяла бы чужое присутствие, но лучше все равно до такого не допускать.

Принц ушел, а кардинал еще раз бросил взгляд на тонкую фигурку в полумраке.

– Она не набожна. Она божественна!

Может, принц и считал его своим другом. Но это ничуть не мешало кардиналу считать его высочество редкостным идиотом.

* * *

– Джованна!

Адриенна приветствовала свою бывшую служанку радостной улыбкой.

– Ваше выс... ой, то есть дана Сиблевран! – Джованна едва не оговорила, но быстро закрыла рот рукой. Нельзя, пока – нельзя. Пока еще не состоялась помолвка...

Адриенна улыбнулась еще шире и обняла служанку.

– Как у тебя дела? Не хочешь вернуться ко мне?

– Ваше...

– Просто – дана Адриенна, как раньше, – попросила Адриенна.

– Хорошо. Дана Адриенна, я замуж вышла. Я теперь Джованна Кальци!

– Погоди-ка... Матео Кальци? Садовник?

– Да! – Джованна улыбалась так, что могла затмить солнышко. – Мы про черные розы поговорили, а потом слово за слово... он замечательный! Очень умный, добрый, заботливый... только его никто и никогда не слушал. А он цветы любит... они для него все как живые.

– Они просто живые, – кивнула Адриенна.

Сама она за цветами ухаживать не умела, да и не слишком любила, если честно. Вот животные – другой вопрос. Животные, люди... А с растениями ей было сложно.

– Вот! Вы тоже понимаете! – Джованна кивала. – Я бы и рада, но я сейчас... видите?

Она натянула ткань платья, и та отчетливо обрисовала маленький животик.

– Ой! Поздравляю! – обрадовалась Адриенна. – Когда надо ждать?

– К весне. Дана Адриенна, а вы в крестные пойдете?

– Если его величество не запретит прямым приказом, обязательно, – кивнула Адриенна. – И... наверное, ты права. Я была бы рада тебя видеть, но и ребенок, и... ты сама понимаешь. Мало что изменилось с прошлого раза. Его высочество по-прежнему любит эданну Ческу, а я... я – так.

Джованна сочувственно вздохнула.

Да, есть и такое у женщин. Когда они несчастны, они готовы загрызть весь мир вокруг себя. А когда счастливы... это ведь неправильно, что рядом останется кто-то несчастный! Не осчастливленный...

– Дана Адриенна, а если вам позвать мою подругу?

– Подругу?

– Ньора Розалия Меле, – назвала имя Джованна. – Вы не думайте, Роза – она хорошая. Она умная, серьезная, только очень занудная. Но вас это как раз и не смутит.

– Нет, не смутит, даже порадует.

Адриенне тоже свойственно было определенное занудство.

– Вот. В остальном она не предательница, не сподличает, не напакостит, всегда скажет, если кто-то или что-то...

Джованна отлично понимала, что именно важно для Адриенны.

А еще...

У ньориты Розалии был главный плюс. Ни семьи, ни детей, две сестры где-то в провинции, брат в море, сама Роза трудом и горбом выбивалась... ладно, еще дядя помог, он стражником был. Но дядя два года уж как помер...

Если кто-то решит шантажировать Розу, ему будет намного сложнее.

Джованна куда как более уязвима. У нее и Матео, и ребенок...

Адриенне она это излагать не стала, она и так получила от даны одобрение.

– Да, пожалуй... пусть придет.

– Дана Адриенна, а вам, наверное, как королеве, будет двор положен?

– Двор? – Адриенна об этом как-то не задумывалась. Но ведь и верно...

– Ну да... четыре телохранителя, трое слуг-мужчин, обязательно четыре дамы при опочивальне, двенадцать фрейлин.

– Зачем столько?

– Ну как же... следить за вашими нарядами, украшениями, одевать вас, причесывать, раздевать, помогать укладываться, прислуживать днем и ночью...

Адриенна застонала.

Джованна улыбнулась лукаво и весело...

– Дана Адриенна, да тут уже такие интриги разворачиваются! Кто на вас ставит, кто против... Но дочерей ко двору пристроить – это ж милое дело! Глядишь, они тут и мужей найдут, и повыгоднее, чем дома...

– Ы-ы-ы-ы-ы...

– Чего вы так пугаетесь? Не надо, не переживайте. Это же не они вам, а вы им нужны... поговорите с Розалией, кстати говоря.

– Кстати?

– Ну да. Если вы ее назначите старшей... фрейлины могут ей и не подчиняться, но это вам нужна будет еще камер-фрейлина – дана, строгая, серьезная...

– Джованна, ты меня убиваешь!

– Ну... Я полагаю, его величество вам даст хороший совет на эту тему, – в глазах Джованны плясали бесенята. – А я бы советовала вам обратить внимание на эданну Сабину Чиприани.

– И что в ней такого примечательного?

– Хотя бы то, что эданну Франческу она на дух не переносит.

– И все еще при дворе? – удивилась Адриенна.

– У нее муж был военным. Поди убери ее... у нее и пенсия есть, и характер соответствующий... может, муж ее и командовал полком, но жена точно командовала мужем.

– Я не муж, мной командовать не получится.

– Зато фрейлинами – за милую душу. Субординацию она тоже понимает, – подмигнула Джованна.

Адриенна потерла виски.

– Я... я подумаю. Если его величество предложит. Мы пока с ним об этом не говорили.

– А еще поговорите с даной о другом. Если это еще не определил его величество, то, возможно, она сумеет поторговать местами и выбить что-то полезное?

– К примеру?

– Откуда ж я знаю, что вам, дана, на пользу пойдет? – удивилась Джованна.

Адриенна застонала. Зная короля...

– Вот не сойти мне с этого места, его величество меня в это бросит, словно щенка. И посмотрит, выплыву я или потону.

– Так и что в этом страшного? – подбодрила Джованна. – Дана Адриенна, начинать-то с чего-то надо!

– А то как же, – кивнула Адриенна. – Например, с простого вопроса. Его величество с тобой уже поговорил – или потом поговорит?

Джованна даже не покраснела.

– Вот я точно знала, дана, что вы догадаетесь! Так и сказала его величеству!

– Так-таки и сказала?

– Да, – Джованна посмотрела Адриенне прямо в глаза. И девушка не уловила лжи. – Я сказала, что вы умная и не поверите во все подряд.

– А во что я должна поверить? В эту... эданну Чиприани?

– В том числе. Вы посмотрите на нее и поговорите с его величеством. Вдруг да понравится?

Адриенна только головой качнула.

– Ладно. Я и посмотрю, и поговорю... А если честно и по старому знакомству, ты мне ничего сказать не хочешь?

Джованна потерла лицо руками.

– Даже не знаю, дана. Вот честно... даже не будь у меня ребенка, я бы в эту свару не полезла. Эданна Ческа вам никогда не простит... сама она – пустоцвет, но власть любит, за нее вас рвать будет когтями и зубами. Постарайтесь поберечься, вас здесь никто жалеть не будет.

Адриенна это и сама преотлично знала.

– И насчет Розалии я тоже не врала. Она хорошая, просто зануда и невезучая. Приглядитесь, вдруг да понравится?

Адриенна только рукой махнула.

Ладно, поживем, посмотрим...

* * *

Сегодня его величество выглядел ничуть не лучше, чем вчера. Даже, может, еще и похуже. Мешки под глазами, хоть ты туда репу складывай, осунувшееся желтое лицо...

– Доброе утро, дана.

– Доброе утро, ваше величество.

– Судя по вашему лицу, Адриенна, вы не хотите сказать мне спасибо? – от души развлекался Филиппо Третий.

Адриенна вздохнула.

– Ваше величество, когда вот так, достаточно бесцеремонно лезут в твою жизнь... Это ведь все будут ваши люди! Ваши, не мои...

– Но у вас и нет пока своих людей, разве не так, Адриенна? Я знаю, кое-кто хотел поехать с вами, но вы оставили всех в СибЛевране.

Адриенна тряхнула головой.

– Да.

Это было чистой правдой. И хотели, и она была против – и причина была более чем уважительная.

– Вот и отлично. Это те люди, которым не нравится эданна Вилецци. Дальше объяснять?

– Не надо, – вздохнула Адриенна. – Я попробую найти с ними общий язык.

– Попробуйте, Адриенна. Это действительно необходимо. И идемте сейчас со мной...

– Куда?

– Куда вам и хотелось. В казначейство.

Адриенна кивнула еще раз.

– Дан Брунелли еще занимает свое место?

– И занимает его более чем по праву. Даже мой сын вряд ли его тронет. Бенвенуто – гений в том, что касается денег.

Адриенна кивнула.

Именно это она вчера и попросила у его величества.

Поучить ее управлять государством. Вот так, как он учил сына. Как будто ей тоже надо принимать дела...

Понятно, что так не получится.

Понятно, что реальной власти Адриенне никто не даст.

Но она сможет понимать, как и что происходит. А там, возможно, и что-то менять?

И не вредить, нет...

Это ведь и ее дело тоже! Не СибЛевран, но ее дети будут сидеть на троне Эрвлина. Найдите хоть одну нормальную мать, которая хочет своим детям плохого. Нет?

То-то же.

Есть, конечно, странные существа, которые и к своим детям безразличны, и кого угодно готовы принести в жертву своей выгоде... ну так это просто не матери. Утробы.

Выносили, выродили и из головы выкинули. О таких и думать не стоит – ни к чему.

А еще... это хоть какая-то иллюзия... страховки? Контроля?

Адриенна понимала, что будет практически полностью зависеть от супруга и его отношения. Но... но мало ли что? Мало ли как повернется жизнь?

Деньги, война, интриги... с двумя последними компонентами ей точно не справиться. Но хоть что-то она должна знать? Почему бы и не казначейство?

* * *

Дан Бенвенуто ничуть не изменился с прошлого раза.

Такая же уютная и обаятельная булочка. Сидит себе в кабинете, улыбается... кабинет, ага. Да казначейство целое здание занимает, и не самое маленькое! И кабинет у дана соответствующий. И статусу, и, кстати, булочности. Все такое теплое, золотистое, песочное, уютное... Но сейчас Адриенна еще меньше была склонна к самообману.

Булочка, ага...

Укусишь – без зубов останешься. И без головы.

– Дан Брунелли. – Его величество улыбался самым добродушным образом. – Дана СибЛевран – моя будущая невестка.

– Ваше величество...

– Как будущая королева, она должна разбираться в финансовых вопросах.

– Ваше величество? – искренне удивился дан Брунелли.

Филиппо Третий махнул рукой.

– Венто, мы с тобой сколько уж друг друга знаем?

– Долго, государь.

– Вот... последний раз, когда сын пытался читать твои отчеты, он что сказал?

Дан Брунелли только вздохнул.

– Может, у Адриенны что и получится? Хозяйство она вела, с бумагами работать привыкла, с числами тоже ладит. Понимаю, где поместье, а где королевство, но умеешь командовать тремя – справишься и с сотней. Так что... пусть попробует.

– Как прикажете, ваше величество.

– И не обижайся, Венто. Я не вечный.

Дан Брунелли кивнул.

– Как будет удобно ее высочеству? Я могу называть так дану?

– Да. Помолвка уже была, о дате свадьбы будет объявлено со дня на день, – кивнул его величество. – Итак, дан?

Адриенна подумала несколько минут.

– Дан Брунелли, вам будет удобно, если я стану приходить в казначейство, скажем, к семи – восьми утра? И уходить около полудня? Понимаю, многое за этот срок не сделаешь, но хоть какое-то представление получить о происходящем?

– Давайте попробуем, ваше высочество. Сегодня...

– Вот сегодня и начните. А завтра у даны Адриенны все будет расписано чуть ли не по минутам, – кивнул его величество. – Завтра познакомьтесь с эданной Чиприани, поговорите с ней насчет фрейлин, служанок...

– Да, ваше величество.

– Отлично. Оставляю вас с даном Брунелли.

* * *

Когда его величество ушел, Адриенна молча посмотрела на дана.

Тот, недолго думая, достал отчет за декаду. Такие они всегда составляли для его величества.

– Давайте начнем с этого, дана. Почитайте, посмотрите, что будет непонятно, а я объясню. Адриенна кивнула.

Уселась с папкой на углу стола и углубилась в чтение.

Потом попросила грифель и принялась что-то отмечать.

Потом начала задавать вопросы.

Дан Брунелли, вообще-то, не любил женщин, которые лезли в его дела.

Еще меньше он любил женщин, которые воображали себя умными.

Но для даны СибЛевран он, кажется, сделает исключение. Глупых вопросов она не задавала, чисел не боялась, думать умела...

Может, и получится у нее что-то хорошее? Кто ж знает?

Посмотрим...

В столице

Нотариус выглядел так, как и положено выглядеть добропорядочному нотариусу. Не слишком высокий, сухощавый, в черном дублете и гауне и удивительно серьезный...

– Здравствуйте, ньор Лаццо.

– Добрый день, ньор Николози. Чем обязаны?

– Исключительно завещанием дана Феретти.

Фредо Лаццо помрачнел.

Да... это действительно было... сложно. Чего уж там.

Осознавать, что в твоей семье, под самым твоим носом... и вот такое?!

Тут спасибо хоть без сердечного приступа обошлось. А могло бы и с ним... Страшно это. Действительно страшно...

– Кого я должен собрать для оглашения завещания, ньор Николози?

– Вас, вашего сына, вашу супругу, дан Мию, Серену и Джулию Феретти. Катарину Феретти.

– Полагаю, вы знаете, что дана Мия Феретти...

– Да, я в курсе, ньор Лаццо. Поэтому хотел бы видеть остальных лиц, указанных в завещании.

Поскольку все лица сейчас были и жили в доме Лаццо, собрать их было несложно. И потребовалось-то каких-то полчаса.

Когда все пришли и расселись в гостиной, нотариус откашлялся и начал хорошо поставленным юридическим голосом.

– Я выражаю последнюю волю моего доверителя, дана Джакомо Феретти, изъявленную им в здравом уме и твердой памяти. Дата завещания...

Само завещание было очень и очень кратким.

Фредо Лаццо возвращались деньги, которые тот дал в приданое за Катариной.

Паскуале Лаццо – доля в деле.

Дане Мие Феретти завещалась коллекция оружия и пятьдесят тысяч лоринов.

Дане Серене Феретти и дане Джулии – кое-какая мебель, посуда и те же пятьдесят тысяч лоринов на каждую.

Остальное имущество, выраженное описью, при виде которой Фредо только присвистнул, отходило ньоре Катарине Феретти, удочеренной Джакомо Феретти. Девочка в одночасье стала одной из самых богатых невест столицы. Да и Джулия с Сереной... Поскольку убийца не может получить выгоду от убитого им человека, деньги, завещанные Мие, отходили пополам к ее сестрам. Коллекция оружия – к Лоренцо Феретти, буде он вернется. Также ему было завещано пятьдесят тысяч лоринов.

Джакомо больше верил Мие и ее чутью.

Сказала девушка, что ее брат жив? Ну, может, и правда жив. Подождем пока вычеркивать его из завещания. Это всегда успеется... Умереть Джакомо и вовсе даже не рассчитывал.

– Откуда у моего зятя такие деньги? – не выдержал Фредо.

Нотариус молча развел руками.

– Я не в курсе дела, ньор Лаццо.

Фредо только вздохнул.

Нотариуса он проводил честь по чести. И с родными разговаривал, и вида не показывал... и только оставшись наедине с супругой, решился дать волю чувствам.

– Ох, Мария...

Сгорбился, ссутулился и внезапно стал очень и очень старым. И жутко усталым.

– Все в порядке, Фредо. – Жена присела рядом, обняла мужа за плечи, прижалась покрепче. Это ведь важно иногда – просто быть рядом. Чтобы человек знал, что он не один...

– Не в порядке. Я ведь знал, что с Джакомо не все чисто. Знал... но закрывал на это глаза. Лишь бы меня оно не касалось.

– Я тоже знала, – созналась ему Мария. – Не удивляйся, родной, Феретти ведь на моих руках, считай, выросли. Я и Фьору знала, и малышей видела... я понимала, что со старшей девочкой что-то не так. Серьезно не так. Но Фьора... она умоляла меня в это не лезть. Я и не стала.

– Фьора что-то знала?

Мария потерла лицо руками.

– Сложно сказать. Фьора... ты ее не успел узнать. Она была именно такая, как и казалось. Легкая, беззаботная, избегающая малейших трудностей. На моей памяти она только один раз проявила твердость, даже жесткость. С Мией. Лично разговаривала с девочкой, уделяла ей больше времени, чем всем остальным детям, вместе взятым...

– Вот даже как.

– Да. И потом, когда Джакомо подружился с Мией, я не удивилась. И сама Мия... она знала, что делает, знала, на что идет...

– Она тебе что-то рассказывала?

– Нет. Просто сказала, что ради младших готова на все. И точно знаю, отдать нам Кати убедила Джакомо именно она.

– Даже так...

– Да, дорогой. Мия была под стать своему дяде. Жесткая, упрямая, очень сильная... внутренне сильная. Я никогда не поверю, что она утопилась, это глупости. Я вполне верю, что она отравила Джакомо и дана Бьяджи. Ты знаешь, какие слухи ходили о его женах?

– Знаю...

– Если скажешь, что это глупости, – стукну кувшином, – предупредила любящая жена. – Вот только посмей...

Фредо хмыкнул в ответ на это заявление.

– Не посмею. Все я понимаю...

– А раз понимаешь... Мия сделала все возможное, чтобы обезопасить и себя, и сестер, и нас всех. Я не знаю, когда она появится, но у меня она всегда найдет и защиту, и помощь. Это понятно?

– Более чем, дорогая супруга.

Мария кивнула и поднялась с дивана.

– Джакомо играл с огнем. Он считал, что может укротить пламя, – и сгорел. Я так не считаю. Я уверена, что Мия жива, что она здорова, что с ней все будет хорошо. А остальное... пусть будет так, как будет.

– И что ты собираешься делать?

– То, что положено. Воспитывать малышку Кати, вести дом, готовить Серену к роли супруги, ну и Джулию заодно, и подходящего жениха ей приглядывать... ждать Мию и Лоренцо. Я верю, что они вернуться рано или поздно.

– Не было бы слишком поздно.

– Не будет, – уверенно предрекла Мария. – Пойдем спать, супруг и повелитель. Я устала. Фредо послушно поднялся с дивана, обнял жену за плечи.

– Я правильно на тебе женился.

– Конечно, правильно. Или есть сомнения?

– Никаких, – рассмеялся Фредо, чувствуя, как с его плеч падает тяжелый груз безысходности. Может быть, в его жизни не все так хорошо и падре его исповедь не одобрит. Но вот что все правильно...

Все очень и очень правильно. А остальное – переживем.

Глава 3

Мия

В данный момент Мия не думала ни о дяде, ни о родственниках. Она стучалась в двери монастыря Святой Франчески.

Правда, уже в женском виде.

Было у нее подозрение, что мужчину сюда на ночлег не пустят. А ей-то не только на ночлег, ей бы еще и задержаться... так что...

Стучим.

И снова стучим...

Долго ждать не пришлось, к воротам вышла послушница.

– Здравствуйте...

– Добрый вечер. Не позволите ли переночевать в монастыре? Могу или заплатить, или отработать ночлег, – дружелюбно улыбалась Мия.

– Этот вопрос надо решать не со мной. Матушка настоятельница...

Мия вежливо подняла брови.

– Я могу с ней поговорить?

– Я не знаю... давайте я провожу вас к сестре Бьянке, а уж потом...

Мия кивнула и зашагала за послушницей. По дороге она расспрашивала девушку – чего зря время терять?

Кто такая сестра Бьянка?

Правая рука матушки настоятельницы. Та часто болеет, а монастырем руководить надо. Вот сестра Бьянка и занимается...

Как зовут матушку настоятельницу?

Мать Норма. Она уже давно болеет, ей лет семьдесят...

Библиотека?

Да, в монастыре есть и библиотека, там работает матушка Паола. Она одна из немногих грамотных монахинь... очень умная... ей около пятидесяти лет.

Мия расспрашивала бы и дальше, но дорога закончилась рядом с кругленькой монахиней, которая командовала в трапезной.

– Ровнее! Да что ж вы такие-то...

Мия хмыкнула про себя.

Если это – сестра Бьянка? Ох, что-то подсказывает Мие, что ей такой родни не надо. И даром не надо, и с доплатой не возьмет... Какая-то это уж очень родня... взгальная. Вздорная.

Монахини вроде как должны быть выше всех этих мирских забот, а эта вон как командует – генерал в рясе. Когда монахиня повернулась, Мия лишний раз уверилась в своей правоте.

Лицо у сестры Бьянки было такое, что девушка порадовалась своей предусмотрительности.

Мия, идя в монастырь, пригасила свою внешность. Изменила цвет волос с золотого на невнятно-темный, сделала себе курносый нос, усыпала лицо веснушками и родинками, добавила широкий, словно бы жабий, рот... Но не стала менять общие очертания, глаза и лоб – все равно при таком раскладе на них внимания уже не обращали.

И правильно.

Увидь такая, как эта Бьянка, настоящую Мию – из вредности б рогами уперлась. С места бы не сдвинули даже упряжкой...

Сама сестра была чуточку симпатичнее козы. Ну так, ненамного.

Коза все-таки грациозная, обаятельная, и цвет глаз у коз красивый, и характер есть... хотя тут тоже характера – лопатой не отгрести. А вот с обаянием сложно.

– Это кто такая? – в голосе сестры зазвучали такие козлячьи нотки, что Мия задавила желание пошарить по карманам.

А вдруг где морковка заваялась? Даже лицо у сестры Бьянки было вполне себе козлиным. Но шерсти и обаяния не хватало решительно.

– Мия Ферро, – представилась Мия. – Я иду к тетке, в Умбрайю. Если можно у вас передохнуть пару дней, я оплачу или отслужу. А то ногу сбила – сил нет...

– Ногу сбила?

Мия молча показала ногу, которую вытащила из деревянного башмака.

Да, пришлось пойти и на такие жертвы. И башмаки купить в ближайшей деревне... Изобразить язву было несложно. Мия вообще всю свою внешность меняла, что ей какая-то язвочка?

Ха! И снова – ха!

Монахиня сжалилась и кивнула.

– Не знаю уж, чем тут отработаешь, с такой-то ногой... если только сидя...

– Я могу заплатить. А чтобы не сидеть сложа руки – я грамотна, могу в библиотеке помочь, – спокойно отозвалась Мия. – Переписать что или еще как-то...

– Шесть сольди. Три дня. Келью отведем и будешь помогать в библиотеке, – отрезала сестра Бьянка.

Не то чтобы она стала лучше относиться к Мие, нет. Скорее, просто решила, что опасности гостя не представляет, пожалеть ее можно... ну и выгоду тоже получить – не лишнее.

Мия помялась, подумала – и вытащила из кармана сольди. Отсчитала шесть монет, протянула монахине.

– Возьмите, сестра.

Бьянка сунула монеты в карман рясы и чуточку смягчилась.

– Завтракать, обедать и ужинать вместе со всеми. Встаем с третьими петухами на молитву, потом завтрак, потом послушание. Где библиотека – тебе покажут.

– Да, сестра Бьянка.

Мия могла бы раскатать вредную бабу в блин. Потом закатать обратно, добавить начинку по вкусу и сожрать, но зачем? Вот просто – зачем?

Ей не самоутверждаться надо и не побеждать каждую вредную тетку, а добиться своей цели. И идти дальше. Так что...

Пусть живут.

* * *

Ужин в монастыре в основном состоял из молитв. Еще был черный хлеб (жевать который так же приятно, как и кусок глины) и тушеные овощи.

Кажется, прошлогодние.

Мия подумала, что три дня – это максимум. Потом она превратится в дракона и сожрет к чертям пороссячим местную кухарку. Или у кого там послушание на кухне?

Нельзя же так издеваться над продуктами!

Или это умерщвление плоти? Начинается с желудка?

Келья тоже была... кошмарной!

Темной, сырой, холодной, одеяло вообще – огрызок счастья, подушка не предусмотрена, деревянная скамья пытается притвориться кроватью... Одно утешение: на ней даже тюфяка нет.

То есть – нет насекомых.

Кусать некому, но спать все равно невозможно. Мия лишний раз порадовалась, что надела на себя несколько юбок и две безрукавки под низ – так проще, чем все время показывать нужную толщину. Завернулась в плащ так, что из капюшона даже носа не торчало, и крепко уснула.

Лавки там, не лавки...

Попробуй походи весь день! Тут и на гвоздях уснешь...

* * *

Утро ознаменовалось криком петуха, столь же бездарным завтраком из непроваренной овсяной крупы (оказывается, и так можно, чтобы с одного края подгорело, а с другого не сварилось – вот талант-то!) и молитвой.

В храме было так холодно, что Мия даже во всех своих одежках замерзла. А монахини?

Вот где жуть-то жуткая! Так годик-два поживешь – да и на встречу с Господом. От чахотки, от еще чего... тут в принципе, что ли, не топят?

Ладно, это Мию тоже не касалось.

А вот библиотека и матушка Паола...

Вот матушка Паола выглядела вполне приличным человеком. Достаточно добрая, спокойная, не сплетница, к большому сожалению Мии...

Она, недолго думая, проверила почерк и посадила Мию переписывать какую-то ерунду. Житие какой-то святой...

Может, раньше Мия и отнеслась бы к этому серьезнее. Но сейчас?

Она – не человек. А грехов на ней столько, что хорошо еще крыша монастыря на Мию не падает. И молнией ее не разразило.

А могло бы...

Так что не думаем о продуктивности, думаем о своем.

И Мия попробовала втянуть монахиню в разговор.

Это оказалось достаточно быстро и просто. Но...

О том, что интересовало девушку, матушка Паола не имела ни малейшего представления. Ни кто останавливался в монастыре, ни когда... Какие-то книги? Кто и что жертвовал на монастырь?

Да, безусловно, ведутся списки. Но это только у матушки-настоятельницы. У нее вообще много чего хранится, в ее состоянии одна радость и осталась – книжку почитать. Или побеседовать с кем... вряд ли, конечно, Мию к ней позовут. Где матушка, а где Мия...

Но вдруг?

Мия подумала, что не станет ждать милостей от природы, осторожно выяснила, где находятся покои настоятельницы, – и перевела разговор на пергамент и чернила.

Не знаешь ты чего-то?

И не знай, тебе так будет жить проще, а мне – спокойнее. И убивать не придется, лишний грех на душу брать.

Тем более что о случившемся в Умбрайе – о гибели семьи Бонфанти – монахиня точно ничего не знала. Мия спрашивала. Ну и пусть живет с миром.

Вечером Мия отдала ей свою работу и получила в качестве благодарности очередное благословение. Как следует померзла в храме. А в качестве ужина выдали рыбную похлебку. Единственная радость, что горячую. Но лучше б горячей воды просто дали – по консистенции похоже, а опасности отравиться вроде как нет. Как-то эта похлебка пахла... странновато.

Когда она отсюда выберется, она пойдет в трактир и нажрется. Мяс.

Много.

Что она – свинья, что ли? Да на таком рационе и свинья-то подохнет! Они хоть и всеядные, но не настолько! Тьфу!

* * *

Спрашивать благословения?

Просить отвести ее к настоятельнице?

Или еще какие-то глупости устраивать?

Мия о таком и не думала, и думать не собиралась. Ей надо?

Она пошла. Или – она пришла.

Правда, каким чудом мать Норма не скончалась, обнаружив рядом с собой постороннего человека... Это уже другой вопрос.

Она действительно была старой, эта женщина. Старой и больной. Лет семьдесят, не меньше...

Выпавшие зубы, побелевшие волосы...

Мия решила принять свой собственный облик и теперь смотрела холодными глазами на мать Норму.

– Доброй вам ночи.

– И тебе, дитя.

Когда тебе за семьдесят, начинаешь спокойнее относиться к жизни. Мало ли что может делать посторонний человек в твоей келье?

Может, у него важное дело?

Мия не стала тянуть.

– Скажите, мать Норма, знакомо ли вам имя – Эванджелина Бонфанти?

Как оказалось – знакомо. Да настолько, что настоятельница ахнула, подавилась слюной и чуть не отправилась на встречу со Всевышним. Преждевременно.

То есть Мия не возражала бы – пусть помирает, но сначала расскажет, что и как. А потом уж что захочет, то и делает.

Прокашлявшись, монахиня посмотрела на Мию серьезным взглядом.

– Пожалуйста, подойди поближе. Хочу тебя увидеть... ты на нее похожа?

– Не знаю, – честно ответила Мия.

– Это – твое настоящее лицо?

Мия подняла брови.

– Вы и об этом знаете?

– Знаю. Дана Бонфанти была моей подругой. Она похоронена на нашем кладбище.

Оп-па!

Вот могилу прабабки Мия встретить не рассчитывала. Но...

– Она точно умерла?

– Она умерла у меня на руках. И похоронена здесь, рядом с внучкой...

– Та-ак... – Мия почувствовала, что где-то здесь нелогичность. – Мать Норма, вы не могли бы рассказать мне все, что вы знаете о моей прабабке? Пожалуйста...

Монахиня кивнула, ничуть не удивляясь просьбе.

– Я знаю не так много. У нее была сложная и длинная жизнь... во многом благодаря ее крови. Так что вы, юная дана Бонфанти, можете жить долго, если вы такая же, как ваша прабабка.

Мия кивнула.

– Называйте меня Мия. Так будет проще.

– Хорошо, Мия. Что ж, начнем с начала. Вы знаете, что, когда вашей прабабке было десять лет...

Большую часть истории Мия знала. И о королеве, и о службе Эванджелины... Оказалось, что верны были два предположения Мии. Эванджелина, во-первых, родила сына от женатого мужчины с весьма и весьма ревливой супругой, а во-вторых, мальчику было тяжело при дворе. И подстроить несчастный случай могли – супруга была ревнива, – и травить его начали, когда он стал понимать, что такое «ублюдок». Поэтому сына Эванджелина отвезла в свой родной город.

Там у нее была кормилица, там были надежные люди, которым она могла доверить малыша... и это оправдалось.

До смерти последнего Сибеллина.

В каком-то смысле были верны все версии... Эванджелина действительно забрала внучку у родителей. Не потому что почуяла в ней какую-то там кровь, нет. Просто малышка постоянно кашляла, и любящая бабушка решила отвезти ее на лето на воды. Вот и все.

Родители не возражали.

Когда Эванджелина узнала о случившемся и бросилась в Умбраю – ей остались только угольки. Конечно, она отплатила за смерть сына и невестки, но разве это вернет любимых людей?

Увы...

Женщина осталась рядом с кучей могил. И... почему бы нет?

Деньги у нее были, было и желание отсидеться. И она попросту пришла в монастырь.

Там росла маленькая Анна, там спокойно жила Эванджелина.

Нет, способностей у малышки не было. Никаких. А вот желание посвятить себя Богу – появилось.

Для Эванджелины это было... ну, если и не крахом жизни... принять такое решение от ребенка она попросту не могла. Смирения не хватало. Или хотелось внуков... ладно. С учетом того, что Анна была внучкой, – правнуков.

Анна настаивала на своем, Эванджелина злилась... Договорились так: если в двадцать лет Анна еще будет хотеть пострига, Эванджелина обещала с этим смириться.

Не пришлось.

Монастырь, увы, не крепость. Нет, совсем не крепость...

И люди тут случаются разные, и всякое бывает... в том числе и бродячий менестрель, который попросту обольстил Анну Бонфанти. Что уж он пел, что говорил... крепость пала к его ногам.

Только вот... менестрели не заводят семей, за редчайшим исключением. Попел лето, да и ушел. А Анна поняла, что беременна. И кинулась к матери.

Тогда ей было как раз девятнадцать лет.

– Мне кажется или Эванджелина сама нашла того менестреля? – уточнила Мия.

Ну... она бы точно так поступила. Но собеседница глухо кашлянула, отрицая.

– Мы с Эванджелиной разговаривали. И она не врала мне... нет, она думала об этом, но в кои-то веки решила положиться на Бога. Она как раз болела, плохо себя чувствовала... ей было не до того.

Мия сомневалась. Но – вдруг?

– А что было дальше?

Мать Норма вздохнула.

– Анна Бонфанти похоронена на нашем кладбище. Она родила девочку, которую также пожелала назвать Анной, чтобы та заменила бабушке ее саму. И умерла от родильной горячки.

– Вот ведь...

Мия только головой покачала, сочувствуя Эванджелине.

Потерять сына, невестку, внучку... получить на руки младенца... и это, по прикидкам Мии, в возрасте, когда приличные люди уже гроб обживают...

А рассказ продолжался.

По словам матери настоятельницы, Эванджелина очень сильно винила себя в смерти Анны. Якобы она что-то не сделала для нее, не смогла, или... тут Эванджелина не вдавалась в подробности. Она попросту взяла маленькую Анну и ушла из монастыря, сказав, что второй раз такой ошибки не допустит. Хватит с нее!

Дальше?

Тогда еще мать Норма была просто послушницей. Постриг она приняла потом.

Мало кто знает, но в монастырях можно было и жить. Иногда – годами.

Трудник?

Это слово к Эванджелине было неприменимо. Она жила как гостья, платила за постой, делала что пожелает, могла не соблюдать посты и не ходить на службу. А Норма убирала в ее комнатах.

Послушница же?

Вот и слушайся...

Но даже в монастыре нужно с кем-то поговорить. Так и получилось, что Эванджелина начала откровенничать с юной Нормой. Слово за слово...

Да, она рассказала и про свои способности. И даже показала кое-что... она могла.

И меняться полностью, по желанию, и выглядеть и как мужчина, и как зверь...

Мия задумалась.

Волком, к примеру, она обернуться не пробовала. Хотя... и не хотелось, если честно. А вдруг обратно не получится? Страшновато...

Эванджелина говорила, что везде есть свои условия. Какие? Она не уточняла, говорила, что Норме ни к чему.

В монастырь она вернулась, когда выдала замуж праправнучку. Потом уезжала еще несколько раз. Куда?

Не рассказывала.

Мия полагала, что увидеть Анну, увидеть Фьору, понять, что ребенок НЕ метаморф... может, для чего-то еще...

Кто знает?

– Она ничего не оставляла?

– Она оставила мне на хранение семейную Библию Бонфанти. Остальные вещи она завещала монастырю.

Мия едва удержалась от удивленного бульканья. Че-го?!

Какая семейная Библия? Она должна была погибнуть в Умбрайе... вряд ли Эванджелина забрала ее с собой? Но...

– Я могу выкупить ее у вас.

– Ни к чему. Просто откройте стол и достаньте. Если бы вы не пришли, я передала бы ее следующей настоятельнице.

– Я пришла, – кивнула Мия. – Эта?

Библия легко легла в ее ладони. Бархатный переплет, скромные медные уголки, никаких украшений...

– Эта.

– Спасибо вам. Я могу завтра посетить их могилы?

– Можете, конечно. Я... я знаю, зла в Эванджелине не было. Она была достаточно злой, жизнь ее не слишком-то баловала, но она не была *Злам*. И радовалась бы, что ее род продолжен. Что ее способности воплотились в вас.

Мия тряхнула головой.

Она знала, как назовет свою дочь, если у нее когда-нибудь будут дети.

Хорошее имя – Эванджелина. Стойкое...

Настоящее.

* * *

С утра Мия посетила кладбище.

Положила цветы на могилы обеих Бонфанти. И от души пожелала Эванджелине и ее внучке спать спокойно. Пусть ничто не потревожит их сон.

Потом сделала пожертвование на благо монастыря и покинула его навсегда.

Библию она даже не открывала.

Потом.

Однозначно – потом.

Если уж она так примерно угадала, о чем думали ее предки... ну так позвольте и еще раз угадать.

Вы стары, больны, живете при монастыре, ваши таланты не воплотились в ваших детях, внуках и даже правнуках... скоро умирать.

Что бы захотела сделать сама Мия?

Да все просто.

Предупредить. Написать письмо. Оставить маячок для тех, кто будет искать... Эванджелина понимала, если ее способности проявятся в потомстве, кто-то обязательно начнет копать. Вот и вернулась именно сюда. Хотя могла бы выбрать по стране любой монастырь, но поди найди ее там!

Нет, она вернулась сюда вполне осознанно. Хотя вряд ли ей тут нравилось.

А если уж думать дальше...

Мия была уверена, что Библия – и есть зашифрованное послание потомкам. Но точно так же была уверена, что Эванджелина допускала все: и что книга попадет в чужие руки, и что руки могут быть злыми...

Вывод?

Можно не раздирать переплет и не искать письмо в корешке книги. Мия бы точно так не поступила, а Эванджелина точно не глупее прапраправнучки...

Если и есть что-то, это будет шифр. А на то, чтобы с ним разобраться, чтобы просто его найти, нужно будет время. Может, еще и кто-то поумнее Мии. Девушка не обольщалась – она не гений. Убить она может, а вот с шифрами раньше дела не имела.

Ну и ладно.

Разберемся потихоньку.

Сюда она приехала не зря, и историю семьи хоть чуточку, но узнала. А если расшифрует послание Эванджелины, может, и что-то новое узнает о себе.

Но это потом.

А пока – зеркала мастера Сальвадори.

Итак – в дорогу! Ее ждет городок Пратто и некая ньора Октавия Росса. Эх, вот что плохо... Бонфанти – фамилия редкая, да еще с таким именем. А Росса...

Искать загрызешься...

Ничего, Мия упорная. Она поищет. Она – найдет.

Адриенна

– Здравствуйте, эданна Чиприани.

Эданна с интересом осмотрела Адриенну. Качнула головой.

– Дана Сиблевран, здравствуйте. Но вы должны привыкать – не здороваться первой. С вашим статусом это просто не принято.

Адриенна пожала плечами.

– Полагаю, мало у кого хватит набраться наглости, чтобы сделать мне замечание.

Замечание попало в точку. Эданна Чиприани подняла ухоженную бровь.

– Хм... интересно. Когти есть, зубки есть, полагаю, эданну Вилецци ждет неприятный сюрприз?

– Даже не представляю, – развела руками Адриенна. – А кто эта дама?

И невинный взгляд больших голубых глаз.

Эданна Чиприани закашлялась, пытаясь скрыть смех.

Ну да... все и всё знают, но заявить ее высочеству в лицо, мол, это любовница вашего супруга? Ну-ну, эданна Чиприани посмотрела бы на этого героя. Недолго...

Эданне Сабине было около пятидесяти лет. Не слишком высокая, с округлыми пышными формами и доброй улыбкой, она на первый взгляд напоминала чью-то ласковую бабушку.

Ровно до момента открытия рта.

А вот потом...

Уничтожить парой слов она могла кого угодно. И характер у нее был далеко не ангельский. Эданну Франческу она, кстати, терпеть не могла. Есть такое у женщин, которые любят своих мужей. Вот почему-то... странный такой перегиб...

Да, они любят, они счастливы, они... они все равно терпеть не могут шлюх!

Потому что у каждой женщины есть братья, отцы, сыновья, наконец. Которые преотлично могут испортить себе жизнь. Кому-то повезло, а вот как остальным придется?

К тому же эданна Франческа была хитрой, наглой... и... ладно уж! Честно признаемся себе, что были у эданны Сабини и личные причины... пару раз дан Чиприани позволил себе восхититься эданной Франческой. И даже...

Мужчины!

Помните о технике безопасности и никогда, вот НИКОГДА не сравнивайте двух женщин. Или хотя бы делайте это в пользу той, которая находится сейчас рядом с вами. А то и пострадать можно.

Серьезно так...

Супруг эданной Сабини почти не пострадал, пару бриллиантовых браслетов и кольцо он бы и так жене купил, но...

Но как такое оставлять без внимания?!

Нельзя!

Эданна Сабина запомнила. И не простила.

Уж и супруга нет, а злость осталась. И укусить эданну Ческу она не откажется.

Адриенне она это не объясняла. Но и не нужно было. Чувствовала людей девушка и сама по себе неплохо. И понимала, что ей сейчас не лгут.

Да, хотят получить свою выгоду... Какую?

А, вот оно что!

Дочь эданной Сабини, Паола Чиприани, пока не замужем. И если дана Адриенна не возражает, то одна из фрейлин уже есть.

И вторая. Кузина Паолы, дана Бьянка Варнезе.

Адриенна пожала плечами и утвердила обеих. Почему бы нет?

А потом решила подойти к делу уже серьезно.

– Эданна, я прошу вас составить списки тех, кто желает стать моими фрейлинами. Это первое. Второе – кратко об их семьях.

– Что именно вас интересует?

– Кто будет пристраивать ко мне своих племянниц и дочек.

– Я и так вам скажу: все, – рассмеялась эданна. – Место же выгодное, а как королева умерла, так и фрейлин распустили.

Адриенна побарабанила пальцами по столешнице.

– Эданна, вы не понимаете. Мне не нужны конфликты, мне вполне хватит эданны Чески. Поэтому, чтобы не взять девочек из семей, которые, к примеру, связаны кровной мстью... или, я знаю, у эданны Вилеци есть какие-то родственники...

– Поняла, – кивнула эданна. – Я соберу для вас сведения.

– Вот и отлично. Еще один критерий отбора – достаток.

Эданна не изменила выражение лица, но... неужели в смысле – что с кого получить? Странно...

– Должность фрейлины потребует расходов. Не хотелось бы разорять чьи-то семьи...

– Согласна. – Эданна Чиприани подумала еще и о том, что нищая фрейлина – легко продается. Это в сказках пишут и в песнях поют о гордых и чистых бесприданницах. А вот при дворе таких не водится. Не выживают они здесь.

При дворе его величества Филиппо Третьего покупаются и продаются все. Кое-кто добровольно, а кто-то и принудительно.

– Впрочем, я поговорю с его величеством. Может быть, мы сможем взять двух или трех девушек на благотворительных началах. К примеру, если их семьи бедны, но родители оказали большую услугу Короне. Одеть, дать должность, приданое, выдать замуж...

– Хорошая идея, дана СибЛевран.

– Дана Адриенна. Я приняла совет его величества, эданна Чиприани. И вы станете моей камер-фрейлиной, но я надеюсь, что вы меня не подведете.

– Да, ваше величество.

Адриенна посмотрела эданне прямо в глаза.

– Я – не прощу.

А вот это эданне было совершенно ясно. Она и сама прощать не умела...

– Мы найдем общий язык, дана Адриенна.

– Вот и отлично. Приступайте к составлению списков, эданна Чиприани. Считайте, что вы приняты официально, указ его величество подпишет сегодня же вечером. А мне сегодня надо еще поговорить со служанками.

* * *

Служанок Адриенна отобрала достаточно быстро.

Не стала сильно заморачиваться выбором, взяла тех, кого посоветовал его величество. Почему бы нет? Все равно за ней будут следить, все равно будут доносить о каждом ее шаге. Только вот эти – королю.

А другие кому?

Проверять это на себе Адриенна не хотела, поэтому и рисковать не стала.

Филиппо Третий оценил ее уступчивость и задал правильный вопрос, подписывая указы:

– Адриенна, возможно, вы сами кого-то хотите пригласить?

Адриенна вздохнула.

Мия Феретти...

Вот кого бы она пригласила и не задумалась. А больше подруг у нее не было.

– Нет, ваше величество. Но у меня есть серьезная просьба.

– Чего вы хотите, Адриенна? Что я могу сделать для вас?

– Так получилось, что я свела близкое знакомство с семьей Феретти...

– Феретти... да, я помню. Эта история на всю столицу прогремела. Что я могу сделать,

Риен?

– Я принимаю участие в этой семье. И мне хотелось бы, чтобы девочки были устроены, – просто ответила Адриенна. – Не надо тащить их ко двору, им это будет не в радость, Серена и Джулия – тихие домашние малышки. Но возможно ли как-то помочь?..

Филиппо кивнул и улыбнулся.

– Это вполне возможно. Я помогу немного семье Лаццо и намекну, что их благосостояние напрямую зависит от хорошего отношения к девочкам.

– Благодарю вас, ваше величество.

– Это несложная просьба, Риен.

Адриенна только руками развела.

– Ваше величество, а что еще я могу попросить? Чувства не в нашей власти, разум... я надеюсь, что он возобладает у моего будущего супруга, но...

Но эданна Вилецци сделает все, чтобы ее любовник думал не головой, а головкой. Увы.

– Возобладает, – мрачно пообещал Филиппо.

Сына он еще с песочком проработает. Нет, ну что это такое!

Хороший ведь вырос человек, неглупый и в делах разбирается, но до чего ж он...

Слабовольный?

Нет.

К примеру, бойцовый пес – существо совершенно не слабовольное. Но хозяина эта зверушка себе выбирает один раз, на всю жизнь, и подчиняется ему безоговорочно.

Вот и его высочество... Выбрал.

Ругайся не ругайся, но... даже если порвать эту сворку... Адриенна его не сможет удержать. Его величество горько подумал, что надо было решать эту проблему раньше.

Жестко.

А сейчас...

Сейчас уже для всего поздно.

И потер бок, в котором под алым бархатом все сильнее и сильнее болела печень. И белки глаз желтеют, и кожа, и... поздно.

Для всего поздно.

Как же это... неправильно!

Лоренцо

– Пустынный Смерч!

Вот уж чего Лоренцо не хватало вишенкой на торт, так это еще разбойников.

Да-да, под страшным и ужасным прозвищем «Пустынный Смерч» скрывался именно что разбойник.

Промышлял он на караванной тропе уже третий год, после себя оставлял только трупы, трупы и снова трупы, забирал все имущество несчастных и уходил.

Куда?

Неизвестно...

Ни куда, ни кто он, ни где у него гнездо...

Изловить негодяя пытались все беи. И Амирух-бей, и Фарран-бей, и Шарнах-бей...

Султан гневался, из столицы шли возмущенные письма, но пользы от них не было никакой. Негодяй уходил от любых облав, словно заколдованный.

А может, и правда... того?

Кто ж его знает, авось и поворожила какая ведьма...

Энцо слушал и морщился. Вот ведь...

Он домой едет! Его дома ждут!

И тут какой-то разбойник? Да... просто – ГР-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р!!!

Если бы Пустынный Смерч видел выражение лица Лоренцо Феретти, он бы решительно передумал не то что нападать на караван – вообще в этом году из дома выходить. Но – увы.

И не видел, и не передумал...

– Будем надеяться, обойдется. – Зеки-фрай тоже оценил выражение лица Ангела и успокаивающе похлопывал его по руке. – Не злись... да, такое бывает. Везде есть эти негодяи...

Лоренцо это не слишком утешало.

– Нам до гор осталось всего ничего. Дней десять, может, двенадцать. Но эта сволочь регулярно здесь нападает...

– Может, нам повезет и он не нападет. Не обязательно ж сейчас. И Фарран-бей со своими людьми недавно здесь проезжал...

Лоренцо только вздохнул:

– Может, и повезет. А может, и нет...

Разговор вообще начался с рассказа трактирщика о последних «подвигах» подонка. Если можно назвать таковым словом издевательства и убийства беззащитных и ни в чем не повинных людей. Кого сразу убили, кого разорвали лошаадьми, кого... тех, кто сопротивляется, могли вообще закопать в песок и так оставить – чтобы одна голова наружу. Мучительная смерть...

Смысл был все равно один: бросайте оружие и сдавайтесь! Тогда – может быть – вас не станут мучить перед смертью. Или вообще в рабы продадут. Это если очень, очень повезет.

Лоренцо такие рассуждения заранее не нравились. Вот еще не хватало! А потому...

– Кольчуга у нас есть. В ней я и поеду. И оружие не забуду. Раз уж предупредили. А ты... если что, бери мальчишек, бери Динч – и прячьтесь под телегой. Понял?

– Да.

– Чтобы вас стрелами не достали, да и оттуда не достали сразу. Пока я буду порядок наводить.

Зеки-фрай помолчал пару минут.

– Справишься?

– Смотря сколько их будет. Не всех положу, так хотя бы уполовиню, – пожал плечами Лоренцо. Помнил он, как подействовал на пиратов. Да и свои подвиги на арене – тоже.

Зеки-фрай серьезно кивнул. Благо они сидели в дальнем углу, никто их не слышал, да и кому они нужны – нищелюды? Идут с караваном, вот и пускай идут, вреда не будет – и ладно. Не купцы, не богачи, не беи... просто обычные люди. Все медяк прибудет...

– Я не спрашивал после арены. Но... что с тобой было и чем я смогу тебе помочь?

Энцо не стал таиться и озвучил версию, которую придумал давно. Еще с Мией.

– У нас в роду были вирканги. Знаешь о таких?

– Берсеркеры, – сообразил Зеки-фрай. Он и сам о чем-то таком догадывался, но ведь когда тебе подтверждают, оно куда как лучше звучит? Правда?

– Они самые. Как следует контролировать я это не могу, оно само... когда есть смертельная опасность. Потом уйдет, а я упаду, как на арене. Полутрупом.

– Понял, – сообразил Зеки-фрай.

А чего тут непонятного? Лечить, кормить, поить вином с медом... дело совершенно житейское.

Правда, берсеркеры – существа весьма редкие. Но вот ведь встретился же!

Значит, надо его использовать. Благо Лоренцо на их стороне.

– А...

– Что ты еще хочешь узнать?

– У тебя кто-то... отец, дед...

– Нет. Это по материнской линии пришло, – качнул головой Лоренцо. – Поэтому учить меня было некому. Сам что смог, то и нашел, как получилось, так и выучился.

– Вот оно что... только при смертельной опасности?

– Да.

Впервые за столько времени Зеки-фрай засомневался.

Динч ему вдруг стало... жалко? Да, можно и так сказать. Одно дело – обычный человек. Другое... вот такое.

Вряд ли Динч справится с берсеркером. На арене был один такой... Зеки-фрай знал и на что он способен, и каков он в обычной жизни.

Полубезумный...

И мужчина говорил, что берсеркеры этим заканчивают – ВСЕГДА!

Лоренцо Феретти на него не похож, но там же разница в возрасте чуть не вдвое?!

Впрочем, свои мысли Зеки-фрай оставил при себе. И горячо помолился, чтобы разбойник им не встретился. Обойдутся они без такого счастья...

* * *

То ли молился Зеки-фрай не так, то ли не там...

Пустынный Смерч свои появления обставлял весьма и весьма торжественно.

Караван шел.

На бархан выехал мужчина во всем черном. Свистнула стрела, ударила у ног идущего первым... перья тоже выкрашены черным.

Знак остановиться.

Остановиться, сложить оружие, встать на колени, подставить горло...

Или...

На барханах медленно вырастали такие же черные фигуры с луками. У всех замотаны лица, все на черных конях...

– Ну! – рыкнул Лоренцо.

Зеки-фрай схватил сына и нырнул под телегу. Второго мальчишку точно так же схватила Динч. Кажется, еще и собой прикрыла, Лоренцо уже этого толком не видел.

Ты хочешь красивых жестов?

Их есть у меня...

Чем всегда гордится любая шайка – это удачью атамана. Всегда... где бы дело ни происходило, хоть в лесу, хоть в пустыне, атаман должен принимать вызовы.

Или...

Или он перестанет быть атаманом.

Лоренцо Феретти стукнул коня пятками – совсем легонько. Конь у него, даром что низкорослый и лохматый, был еще и потрясающе умным. Какие шпоры? Какие хлысты?

Он сам все преотлично понял.

А еще, когда конек хотел, разгоняться он мог – всем на удивление. Никто и ахнуть не успел, как Лоренцо оказался рядом с ведущим каравана, поднял стрелу – и переломил пополам. Причем показательно.

На глазах у всех.

А потом спрыгнул с коня, сделал несколько шагов вперед и выразительно поманил атамана к себе.

Мол, имел я тебя в виду!

Выходи, если не струсил!

Переоценивать «благородство» подонков, у которых его отродясь не водилось, тоже не стоило. В красивых романах атаман выехал бы один на один, был бы побежден, наказан, может, еще бы раскаялся и стал служить добру. Серена и Джулия над такими книжонками слезами уливались.

Лоренцо тоже иногда пролистывал, чтобы уснуть побыстрее...

С холма раздался свист, и на Лоренцо устремились сразу... сколько?

Ага, пятеро разбойников.

Наивные...

После арены они Лоренцо были... ну, если и не на один зуб, то и серьезных проблем не вызвали бы. Да, пятеро. Но в том-то и суть, что одновременно на человека может напасть трое... ладно, максимум четверо конных. Так что пятый...

Ан нет!

Пятый чуть позади... и это как раз их хозяин. Вон и золотые бляхи на сабле, и плащ с золотой отделкой...

И ведь никто в шайке ему не возражает.

А что это значит?

Впрочем, об этом Лоренцо уже не думал. Он действовал.

Неблагодарно? А плевать! Но первая же лошадь получила в морду жменю крошеного в кармане нюхательного табака с перцем. Заржала, шарахнулась – и Энцо тут же полоснул ее по боку мечом.

Конскую шкуру прорезать легче. А вот когда конь падает...

Тут уже проблемы у всадника. Чтобы не придавило, да и грянуться можно неслабо... Энцо бы его добил, но не успел – налетели еще двое. И вот тут ему уже пришлось крутиться и уворачиваться.

Скользнуть под брюхо одной лошади, ударить кинжалом, увернуться от копья, добавить коротким мечом, к которому привык...

Стрела бьет совсем рядом... Кто у нас там такой меткий? В азарте боя Энцо ее и не заметил сразу... а проскочил-то как удачно! Аккурат до первого спешенного, которого и чиркнул по горлу мечом. Едва достал, самым кончиком, но этого хватило.

Кто не видел, как бьет фонтан крови из перерезанных артерий... Выглядит это откровенно страшно. Разбойники остановились, буквально на секунду, но Лоренцо этого хватило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.